

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА УЙБАТ-ЧАРКОВ И НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Представлены результаты археологических раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков (Усть-Абаканский район Республики Хакасия) и их научная интерпретация. Этот курган датируется ранним уйбатским этапом окуневской культуры и может рассматриваться как эталонный памятник этого периода (эпоха ранней бронзы). В ходе его исследования были обнаружены 17 могил различных, в том числе уникальных конструкций. Центральное погребение было совершено в яме глубиной около 4,5 м. Большое научное значение имеет обнаружение в этом кургане трех захоронений в катакомбах. Это подтверждает наблюдения специалистов о связях окуневской культуры с катакомбной культурно-исторической общностью. В ходе исследований была обнаружена серия фрагментов плит с традиционными изображениями окуневской культуры. Особое значение имеет личина «джойского» типа, обнаруженная на одной из плит в закладе катакомбы. Ранее предполагалось, что эти изображения датируются финалом окуневской культуры. Новая находка позволяет связать этот тип изображений с ранним уйбатским этапом и во многом пересмотреть представления о развитии окуневского искусства. На основании серии из пяти радиоуглеродных дат непотревоженной могилы 11 был определен приблизительный возраст кургана: XXV–XXIII вв. до н.э. В связи с исследованиями этого памятника можно вновь вернуться к рассмотрению проблемы происхождения окуневской культуры. Наблюдается большое число аналогий с памятниками позднеямного и ямно-катакомбного времени Северо-Западного Прикаспия.

Ключевые слова: Хакаско-Минусинская котловина, Уйбат-Чарков, курган, окуневская культура, уйбатский этап, период ранней бронзы.

DOI: 10.14258/tpai(2018)3(23).-03

Введение

Выделение уйбатского этапа окуневской культуры периода ранней бронзы стало толчком к активному изучению этого интереснейшего периода в истории древнего населения Южной Сибири [Лазаретов, 1997]. Первоочередная задача, стоявшая перед исследователями, заключалась в увеличении базы источников, число которых на тот момент было очень невелико, а качество их фиксации вызывало много вопросов. В результате целенаправленных поисков авторами проведены раскопки целой серии ранних окуневских курганов, относящихся к уйбатскому этапу: Красный Камень, курган №1; Итколь-II, курганы №12, 14, 26. Особое место в этом ряду занимает курган №1 могильника Уйбат-Чарков, исследованный в 2009 г. Полученные при его раскопках материалы позволяют решить многие сложные вопросы, имеющие большое значение для изучения происхождения и развития окуневской культуры в целом.

Конструкция кургана, расположение могил и последовательность их сооружения

По своим конструктивным особенностям курган №1 могильника Уйбат-Чарков хорошо вписывается в контекст комплексов уйбатского этапа. Его отличают следующие характеристики: ограда из массивных каменных блоков, поставленных на ребро,

* Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: №0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н.э. – I тысячелетие до н.э.)».

крупное центральное надмогильное сооружение и сплошная закладка площади кургана гранитными валунами. Подобная комбинация признаков отмечена для целой серии сооружений раннего периода: Уйбат-III, курган №1; Мохов-6, курган №1; Уйбат, курган №1; Уйбат-Тибик, курган №1 [Лазаретов, 1997, табл. 1; Киргинеков, 1997, рис. 1; Наглер, Парцингер, 2006, рис. 1, 5]. Для более позднего черновского этапа характерны ограды из плитняка, центральное надмогильное сооружение значительно меньшего размера и земляная насыпь [Максименков, 1980]. Следует отметить, что при строительстве ранних курганов окуневской культуры подход был исключительно прагматичным. В тех случаях, когда подходящего камня не оказывалось под рукой, его заменяли плитняком, а насыпь могла быть и земляной (Красный Камень, курган №1, Итколь-II, курганы №12, 14, 26; Карасук-II, Карасук-VIII; Лебяжье).

На примере данного кургана можно проиллюстрировать тезис об особом сакральном значении в окуневское время пространства, ограниченного оградой. Для предшествующей афанасьевской культуры характерно размещение погребений детей за оградой с восточной стороны [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 84.-I, 105.-I, 156.-3, 162 и др.]. В курганах окуневской культуры такой подход исключен. Даже новорожденные дети захоранивались непременно в пределах самой ограды. Несмотря на проводившиеся в последние годы раскопки окуневских курганов широкими площадями, ни одной могилы, расположенной вне ограды, так и не было обнаружено [Поляков, 2014; 2017б]. Это тезис наглядно иллюстрирует погребение 6 кургана №1 могильника Уйбат-Чарков. Оно оформлено в виде катакомбы, вход в которую располагался за юго-западной стенкой ограды, а сама погребальная камера находилась уже в ее пределах (рис. 1). Заклад между входом и камерой проходил точно по линии ограды. Можно сказать, что входная яма еще принадлежала «миру живых», а вот само погребение находилось уже на «территории мертвых».

При определении хронологической позиции конкретных окуневских комплексов важное значение имеют конструкции могил, их планиграфия, а также момент строительства общей курганной насыпи [Лазаретов, 1997, с. 38]. В ранних памятниках уйбатского этапа курганная насыпь возводилась сразу после оформления центрального захоронения. Дополнительные погребения впускались в уже сформированное тело кургана. В кургане №1 могильника Уйбат-Чарков 15 погребений из 16 были совершены с уровня древней дневной поверхности, и лишь затем площадь кургана была перекрыта каменной закладкой. Такая последовательность действий характерна для относительно поздних курганов уйбатского типа и большинства комплексов черновского этапа.

Схема размещения могил внутри ограды кургана №1 могильника Уйбат-Чарков является типичной для окуневской культуры. В центре располагается основное погребение (№1) с мощным каменным надмогильным сооружением, образующим высотную и пространственную доминанту. Последующие захоронения выстраиваются в две цепочки, северную и южную, огибающие по периметру центральную надмогильную конструкцию [Поляков, 2017б]. К югу и юго-западу от основного захоронения расположена компактная цепочка из четырех могил (№10–13), образующих плавную дугу, постепенно поворачивающую по часовой стрелке. В трех из них сохранились указания на ориентировку погребенного. Первой была сооружена могила 13, расположенная в одну линию с центральным захоронением. Покойник в ней оказался уложен головой

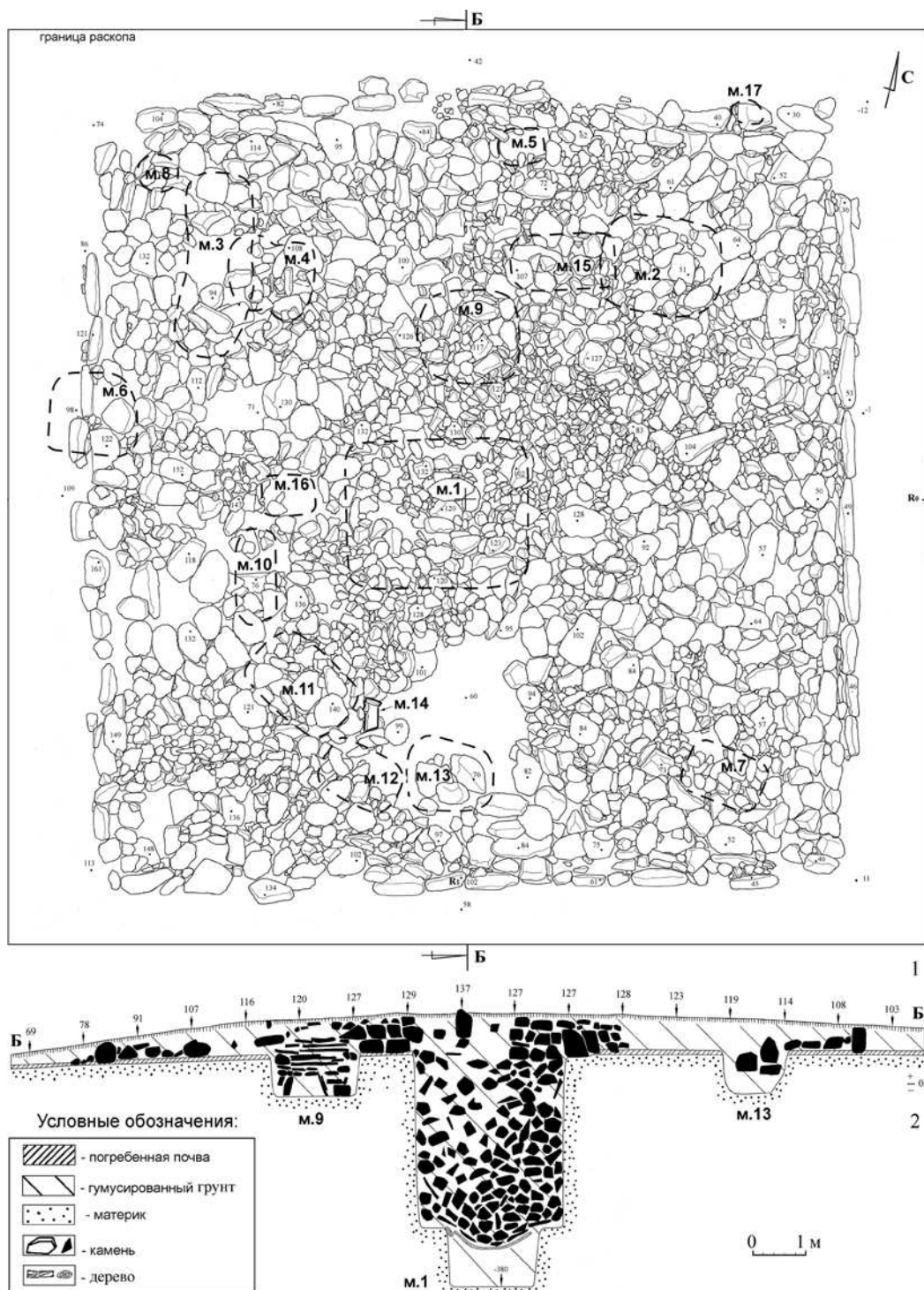

Рис. 1. План и разрез кургана №1 могильника Уйбат-Чарков

на запад–северо-запад. Могила 11 развернута под углом 30°, а покойник ориентирован головой на северо-запад. Могила 10 смещена в еще большей степени, а погребенные в ней лежали головой на север–северо-запад.

Северная цепочка могил (№2–6, 8, 9, 15) выглядит более аморфной. Ее захоронения, расположенные в пространстве между центральным надмогильным сооружением и северной стенкой ограды (№2, 5, 9, 15), были развернуты осью по линии З–В. Погребенные в них люди ориентированы головой в западный сектор. Захоронения, продолжающие эту цепочку вдоль западной стенки ограды (№3, 4, 6, 8), развернуты против часовой стрелки на 90°, а покойники ориентированы головой на юг. Отклонения от традиционной схемы размещения могил в окуневских памятниках встречаются крайне редко и, как правило, связаны с позднейшими подзахоронениями. Так, в могиле 3 последний скелет был помещен поверх уже имевшихся погребенных и развернут головой на север.

Примечательно, что в окуневских курганах погребения, принадлежащие к южным цепочкам, с западной стороны прижимаются вплотную к надмогильному сооружению центрального захоронения. Могилы из состава северных цепочек, напротив, располагаются на максимальном удалении от него, ближе к западной стенке ограды. Размещение захоронений двумя четко обусловленными группами, по-видимому, отражает некую внутреннюю структурированность окуневского общества. Иначе сложно объяснить, почему в отдельных курганах плотно заполнена южная часть ограды, а северная остается практически свободной от погребений, и наоборот. При этом половозрастные характеристики погребенных, конструкции могил, обряд захоронения и сопроводительный инвентарь у них существенно не отличаются.

Постепенное уменьшение размеров центральных захоронений и их надмогильных сооружений привело к тому, что на черновском этапе традиция размещения погребений двумя цепочками становится рудиментом. В комплексах финала окуневской культуры центральная могила уже не отличается по размерам от других захоронений и даже не всегда оказывается самой ранней. Вследствие этого зачастую нарушается традиционная схема размещения погребений. Они не образуют цепочек, огибающих центральное надмогильное сооружение, а строятся несколькими рядами по линии Ю–С.

Поскольку большинство захоронений в кургане №1 могильника Уйбат-Чарков были устроены с уровня погребенной почвы, последовательность их сооружения установить сложно. Очевидно, что могила 1 является наиболее ранней, а могила 14 – самой поздней, так как она единственная была впущена в насыпь кургана. Могилы 11, 10, 16 строились последовательно, уже после сооружения могилы 13. Могила 4 сделана позднее могилы 3, а могила 15 – после могилы 2, так как они частично перекрывают друг друга. Однако это не имеет существенного значения, так как все погребения (за исключением могилы 14) были устроены в относительно короткий срок.

Конструкции погребений

В кургане №1 могильника Уйбат-Чарков представлены все основные варианты конструкций погребальных сооружений окуневской культуры. Наиболее представительна серия традиционных грунтовых ям (могилы 5, 7–10, 12, 13, 15, 16), которые были максимально широко распространены именно на уйбатском этапе окуневской культуры. В черновских комплексах грунтовые ямы встречаются гораздо реже и отличаются заметно меньшими размерами. Перекрытия могил из плит песчаника рас-

полагались на уровне погребенной почвы и, по-видимому, опирались на несохранившиеся деревянные лаги.

Три погребения (№1, 2, 11), в том числе центральное захоронение, имели материковые заплечики. Могилы представляли собой обширные грунтовые ямы, в донной части которых сделаны углубления меньшего размера. Погребальная камера центрального захоронения на уровне материковых заплечиков была перекрыта плитами песчаника, опиравшимися на две продольные лаги и сплошной поперечный накат из бревен. Вся верхняя часть могилы оказалась заполнена гранитными валунами (рис. 2). Могилы 2 и 11 были устроены аналогичным образом, но поперечная лага из деревянной плахи частично сохранилась только в могиле 11 (рис. 3.-1, 2; 5.-5–7). Грунтовые ямы с заплечиками, особенно в качестве центральных захоронений, являются наиболее ярким индикатором ранних комплексов уйбатского этапа: Карасук-VIII, могила 3; Уйбат-III, курган №1, могила 1; Итколь-II, курган №12, могила 3, курган №14, могилы 4 и 6 [Комарова, 1981, рис. 7; Лазаретов, 1997, табл. III; Поляков, Есин, 2015, рис. 4].

Особую конструкцию представляет собой могила 9. На ее дне установлен грубо сделанный каменный ящик меньшего размера, чем сама грунтовая яма. Пространство между стенками ящика и ямы заполнено крупными скальными обломками. Перекрытие из нескольких слоев плит песчаника расположено ниже уровня древнего горизонта и опиралось на стенки ящика и каменную забутовку. Фактически мы имеем дело с переходной формой между грунтовой ямой с заплечиками и углубленным каменным ящиком. Последние характерны для относительно поздних комплексов уйбатского этапа: Уйбат-V, курган №1, могилы 1–3, 5, 7; Тас-Хазаа, могила 4; Итколь-II, курган №24, могила 1; Лебяжье, курган №3, могила 9 [Лазаретов, 1997, табл. IV; Липский, Вадецкая, 2006, табл. X; Поляков, 2010, с. 75; Максименков, 1981, с. 98]. Возможно, наличие каменных конструкций в могиле 9 является не хронологическим показателем, а вынужденной мерой, обусловленной сезонностью данного захоронения. В заполнении погребения обнаружено большое количество угольков и древесной золы от костра, которым отогревали землю. При прокаливании стенки ямы стали слишком рыхлыми, и потребовалась дополнительная конструкция для фиксации каменного перекрытия.

Наибольший интерес вызывают захоронения в катакомбах (могилы 3, 4, 6), редко встречающиеся даже на уйбатском этапе развития культуры. Долгое время на них не обращали внимания, и только раскопки могильников Уйбат-III и Уйбат-V позволили обособить катакомбы как самостоятельный тип окуневских погребальных конструкций [Лазаретов, 1997, с. 33–36]. В кургане №1 могильника Уйбат-Чарков одна из катакомб (могила 3) имела наклонный вход-дромос, отделенный от углубленной погребальной камеры материковой ступенькой и брусчатым камнем, уложенным в качестве порога (рис. 4.-2). Такая же материковая ступенька сделана в могиле 4. Вход в эту катакомбу был оформлен в виде овальной ямы с вертикальными стенками (рис. 4.-1, 3). В обоих случаях углубленные погребальные камеры закрыты вертикальными плитами, а входы заложены валунами и скальными обломками. Вход в третью катакомбу (могила 6) также представлял собой овальную яму с вертикальными стенками, но располагался он за юго-западной стенкой ограды, вплотную к ней (рис. 3.-3, 4). Для его устройства пришлось разобрать часть ограды. Само же захоронение находилось уже на территории кургана. После совершения погребения строители закрыли погребальную камеру вертикальными плитами, забутовали скальными обломками входную яму,

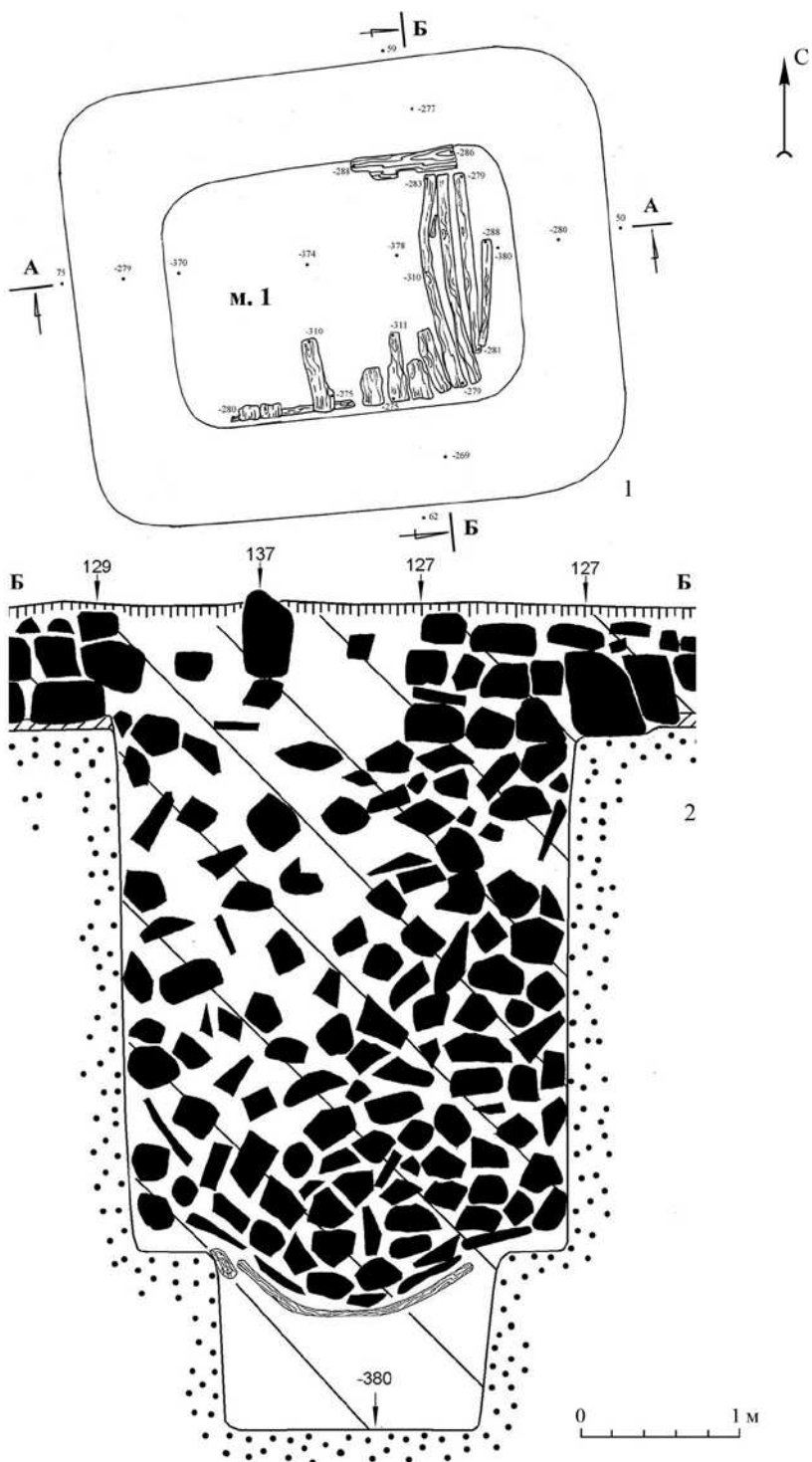

Рис. 2. План и разрез могилы 1 кургана №1 могильника Уйбат-Чарков

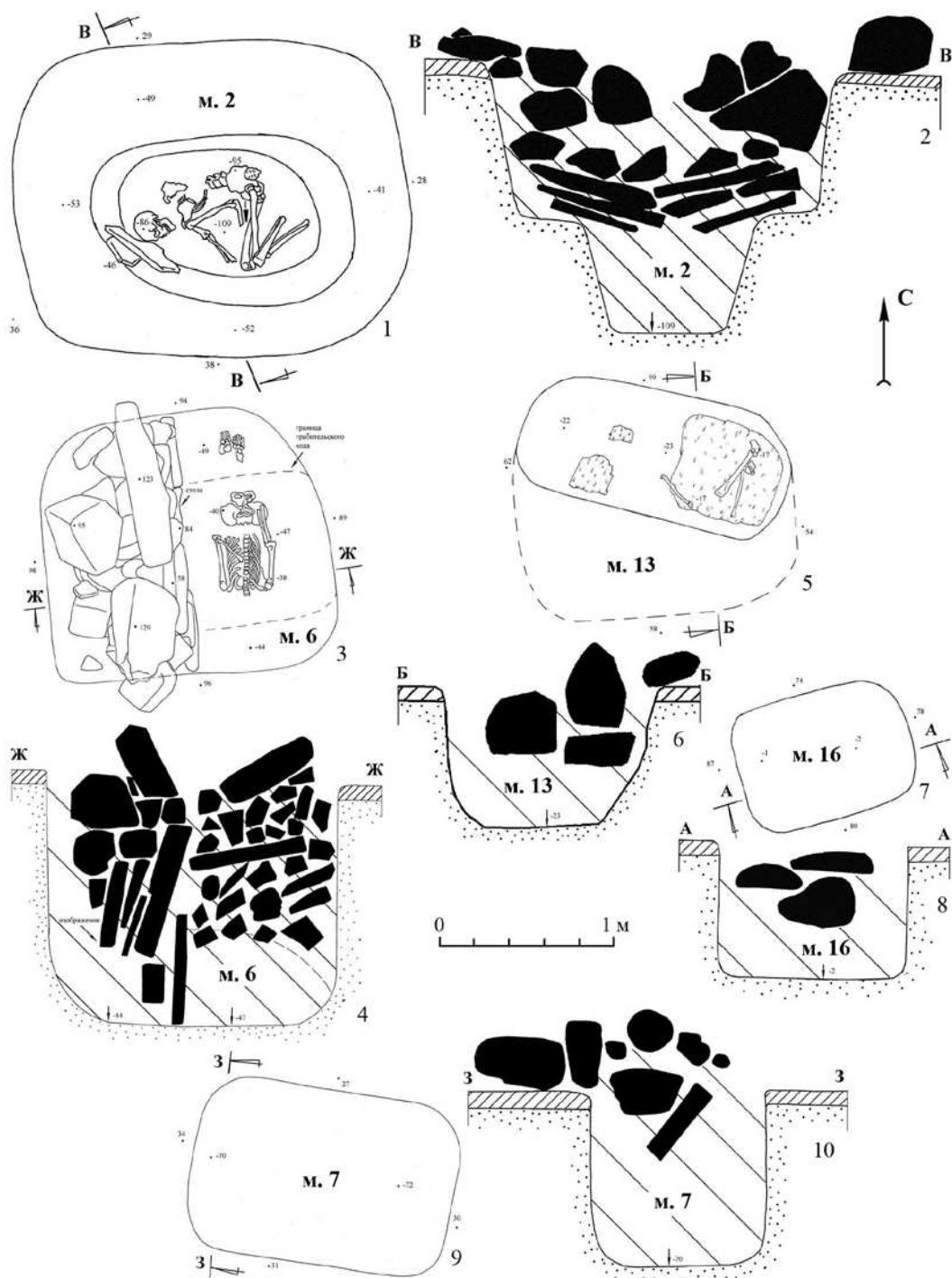

Рис. 3. Планы и профили погребений кургана №1 могильника Уйбат-Чарков:
1, 2 – могила 2; 3, 4 – могила 6; 5, 6 – могила 13; 7, 8 – могила 16; 9, 10 – могила 7

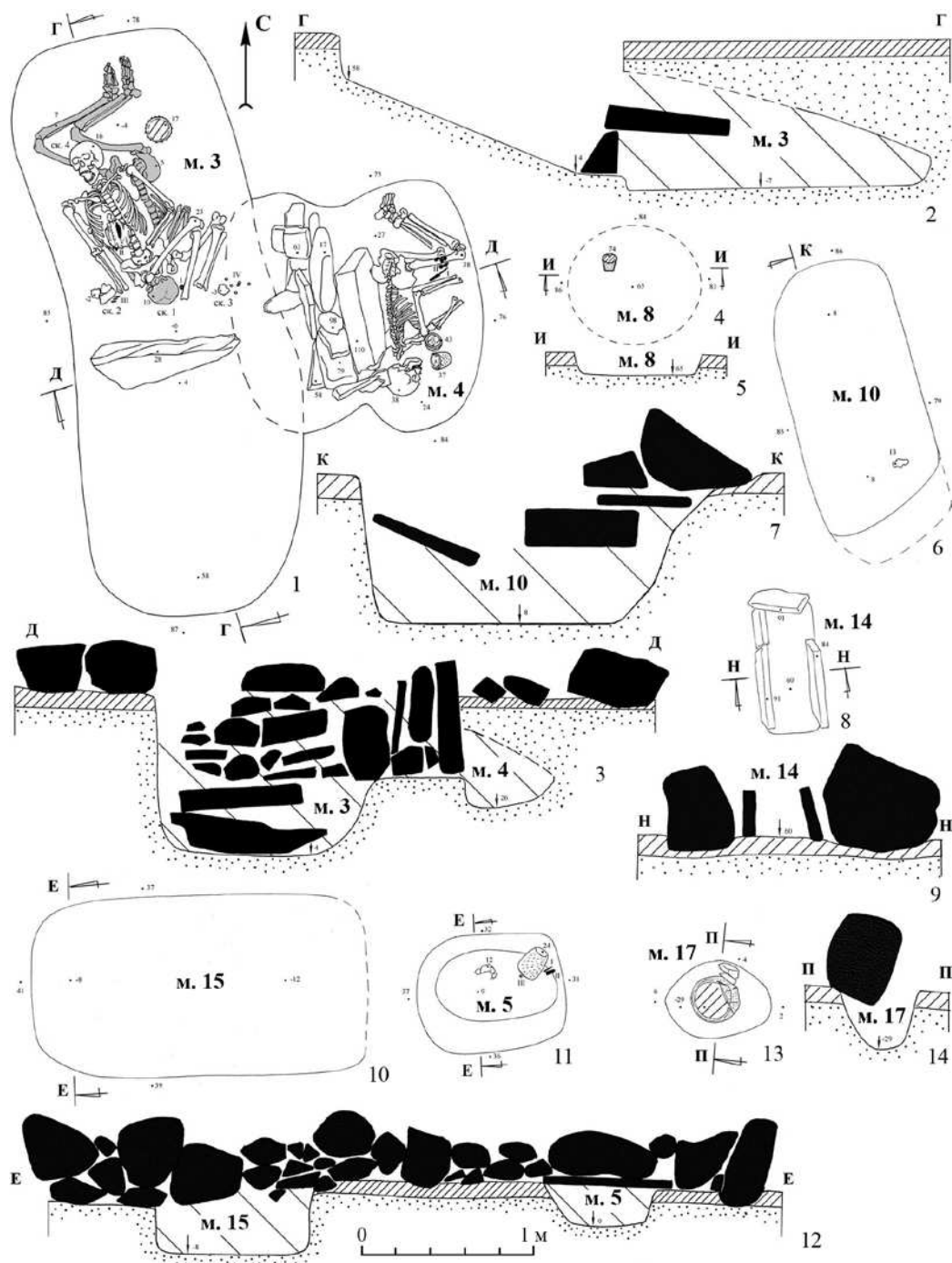

Рис. 4. Планы и профили погребений кургана №1 могильника Уйбат-Чарков:

1-3 – могила 3 и 4; 4, 5 – могила 8; 6, 7 – могила 10;
8, 9 – могила 14; 10-12 – могила 5 и 15; 13, 14 – могила 17

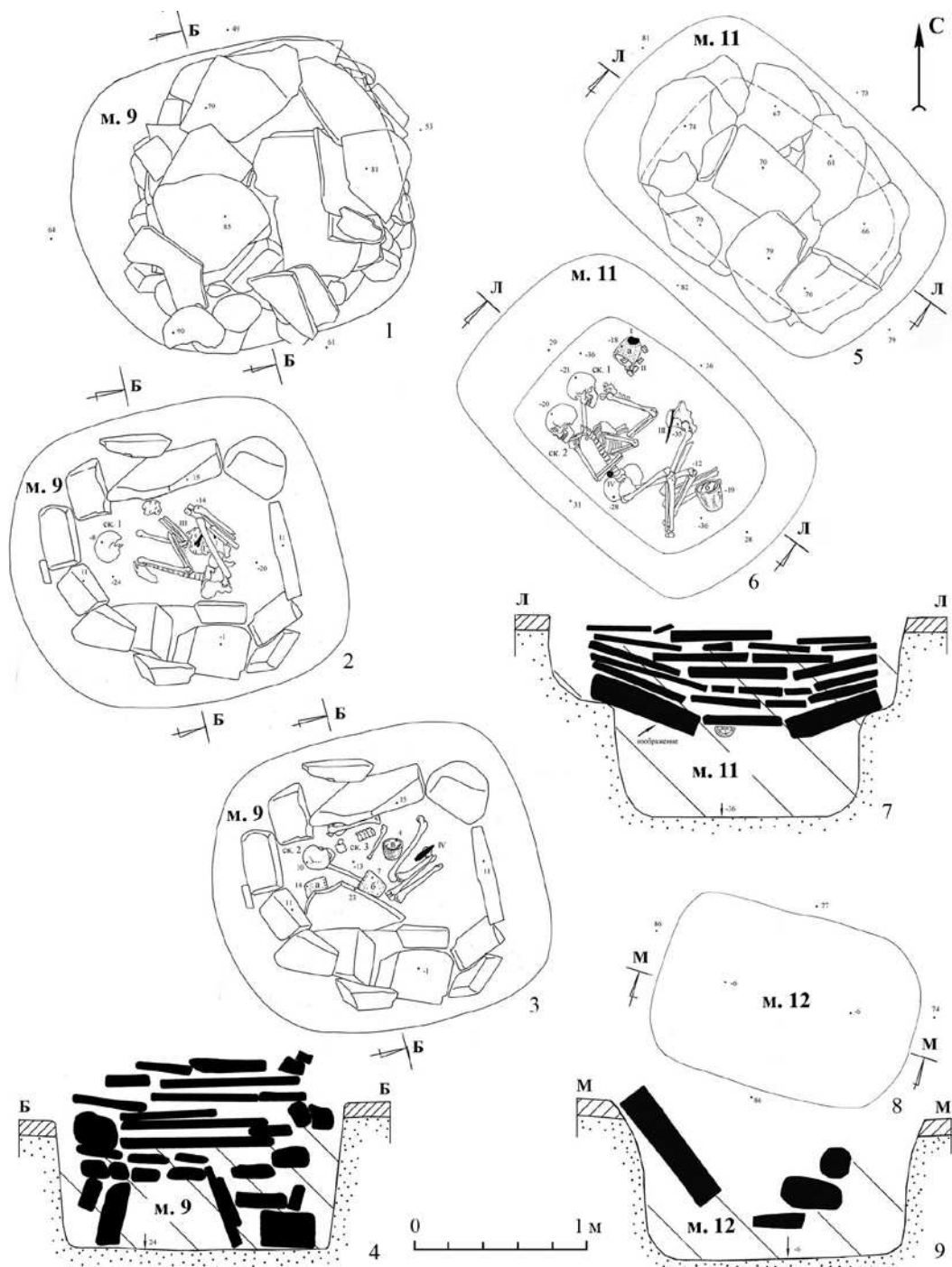

Рис. 5. Планы и профили погребений кургана №1 могильника Уйбат-Чарков:
1-4 – могила 9; 5-7 – могила 11; 8, 9 – могила 12

а ограду восстановили поверх получившегося заклада. К сожалению, могила была потревожена, причем это было сделано не через входную шахту, а шурфом сверху. Вероятно, грабители ориентировались на просад грунта, образовавшийся после обрушения свода катакомбы.

На сегодняшний день в окуневских памятниках обнаружено не менее 10 погребений в катакомбах: Есь [Липский, 1954, рис. 35]; Уйбат-I, курган №1, могилы 1 и 7 [Наглер, Парцингер, 2006, рис. 2.-1, 7]; Уйбат-III, курган №1, могила 2 [Лазаретов, 1997, табл. III.-1, 3]; Уйбат-V, курган №1, могилы 4 и 6 [Лазаретов, 1997, табл. IV; V.-5, 6]; Итколь-II, курган №14, могила 8; Уйбат-Чарков, курган №1, могилы 3, 4, 6 (рис. 3.-3, 4; 4.-1-3). Есть основания полагать, что детские захоронения в катакомбах имелись и в других могильниках, но не были должным образом выявлены и исследованы. Все они относятся к уйбатскому этапу окуневской культуры и позднее, на черновском этапе, уже не встречаются. Более того, наиболее ранние радиоуглеродные даты из погребений окуневской культуры связаны именно с образцами из катакомб [Поляков, 2017а, с. 58].

Только одно погребение кургана было оформлено в виде классического окуневского каменного ящика, составленного из плит песчаника. Оно же единственное введено в уже существующую насыпь. По-видимому, это захоронение совершено после значительного перерыва в функционировании кургана и может относиться уже к черновскому этапу культуры.

Погребальный обряд

В целом погребальный обряд кургана №1 могильника Уйбат-Чарков соответствует традициям уйбатского этапа. Отметим лишь несколько наиболее интересных моментов. В ряде захоронений удалось выявить фрагменты подстилок и покрывал из органических материалов. В двух случаях (могилы 9, 13) дно ям было выстлано берестой (рис. 3.-5; 5.-2), еще в одном (могила 3) – плетеной циновкой (рис. 6.-24). В последнем захоронении поверх скелетов нижнего яруса залегала прослойка органического тлена красно-бурого цвета, предположительно от войлочного покрывала. Следы такой же красно-бурой окраски отмечены на костях скелетов в могилах 4 и 11.

Важное наблюдение связано с положением тела погребенного в могиле. Для окуневской культуры характерно размещение покойников на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями ногами [Вадецкая, 1986, с. 29]. Известны и единичные случаи захоронения на правом боку: Уйбат-III, курган №1, могила 2; Уйбат-V, курган №1, могилы 2 и 6; Узунчул-37, могила 1; Тас Хазаа, могила 1, Уйбат-I, курган №1, могила 6 [Лазаретов, 1997, табл. III.-3; табл. V.-4, 6; Подольский, 1997, рис. 3; Липский, Вадецкая, 2006, табл. V.-3; Наглер, Парцингер, 2006, рис. 2.-6]. Все они относятся к уйбатскому этапу культуры. При раскопках могильника Уйбат-Чарков зафиксировано сразу четыре захоронения на боку, правом – могилы 2, 4, 11 и левом – могила 9 (рис. 3.-1; 4.-1; 5.-3, 6). Окуневское погребение на левом боку ранее было исследовано Л.Р. и И.Л. Кызласовыми в кургане №1 могильника Узун-харых [ИА РАН. Р-1. Д. 11149, Л. 23–28]. Примечательно, что все вышеперечисленные случаи захоронений на боку связаны только с погребениями женщин. Мужчины в кургане №1 могильника Уйбат-Чарков, как и во всех прочих окуневских памятниках, лежали на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями ногами. Последняя поза уже к финалу уйбатского периода и на черновском этапе культуры становится единственно возможной как для мужчин, так и для женщин.

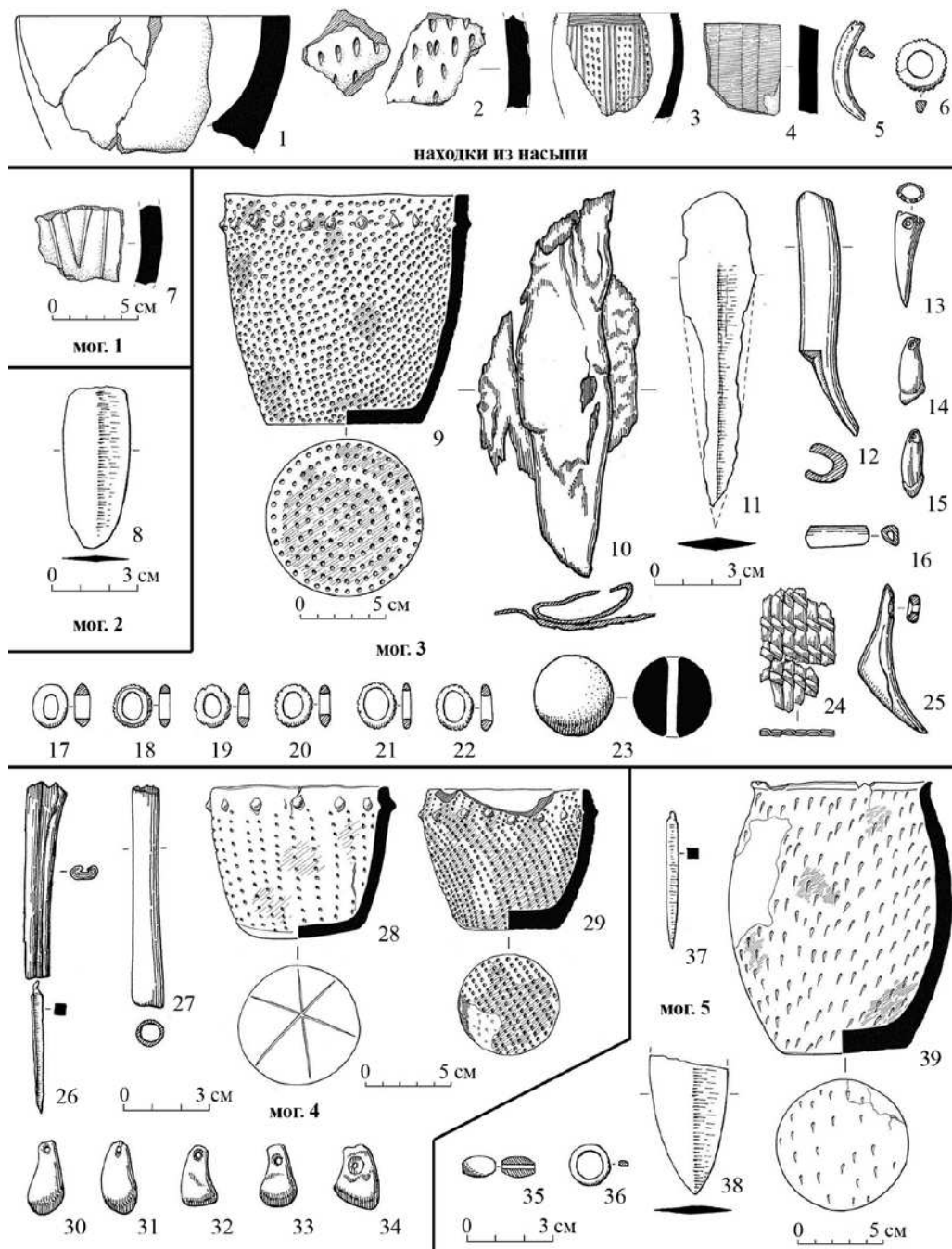

Рис. 6. Артефакты, обнаруженные в ходе раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков: 1-6 – находки из насыпи; 7 – могила 1; 8 – могила 2; 9-25 – могила 3; 26-34 – могила 4; 35-39 – могила 5. 1-4, 7, 9, 28, 29, 39 – керамика; 5, 12-15, 25, 30-34 – клыки животных; 6, 16-22, 27, 36 – кость; 8, 11, 37, 38 – металл (медь?); 10 – кожа; 23 – мрамор; 24 – трава; 26 – кость и металл (медь?); 35 – камень

Сопроводительный инвентарь

В погребениях представлен традиционный для окуневской культуры сопроводительный инвентарь (рис. 6–8). Особенно выразительна серия из 11 целых и пяти фрагментированных сосудов. Большинство из них представляют собой банки с прямыми или слегка раздутыми стенками и плоским дном. В ряде случаев переход от дна к стенке у них оформлен плавным изгибом (рис. 6.-28, 39; 7.-1; 8.-2). Керамическая посуда с округлым дном, эпизодически встречающиеся в ранних уйбатских комплексах, здесь отсутствует. Сосуд из могилы 5 отличается от других сосудов приостренным и отогнутым наружу венчиком (рис. 6.-39). Подобные профилированные формы в большей степени характерны для посуды черновского этапа, однако их единичные экземпляры представлены и в комплексах уйбатского периода [Наглер, Парцингер, 2006, рис. 5.-3]. В остальном этот сосуд ничем не выделяется из общей серии. Из насыпи кургана происходит фрагмент верхней части толстостенного неорнаментированного сосуда, предположительно курильницы. Определить форму ее поддона, наличие «кармашка» по имеющимся обломкам невозможно.

Декор керамики представляет собой монотонное заполнение всей внешней поверхности сосуда акцентированными наколами, сделанными одним орнаментом. Форма оттисков может быть самой различной – округлой, прямоугольной, каплевидной, в виде полумесяца. Они образуют ряды, располагающиеся вертикально, горизонтально либо по диагонали. Часто зона венчика выделяется иным расположением наколов (рис. 6.-29; 7.-8; 8.-1, 8). Дно обычно украшено в аналогичной манере, рядами или концентрическими кругами оттисков того же орнамента. Иногда на него прочерченными линиями наносились солярные символы в виде различных крестов (рис. 6.-28; 7.-1; 8.-9). Венчики в восьми случаях из 12 украшены «жемчужинами», выдавленными палочкой изнутри.

Сосуд из могилы 11 орнаментирован косой сеткой из прочерченных сдвоенных линий, которые на дне образуют крест (рис. 8.-9). Похожая манера орнаментации была известна и ранее [Подольский, 1997, рис. 7.-7; Максименков, 1981, рис. 5.-2; Леонтьев,

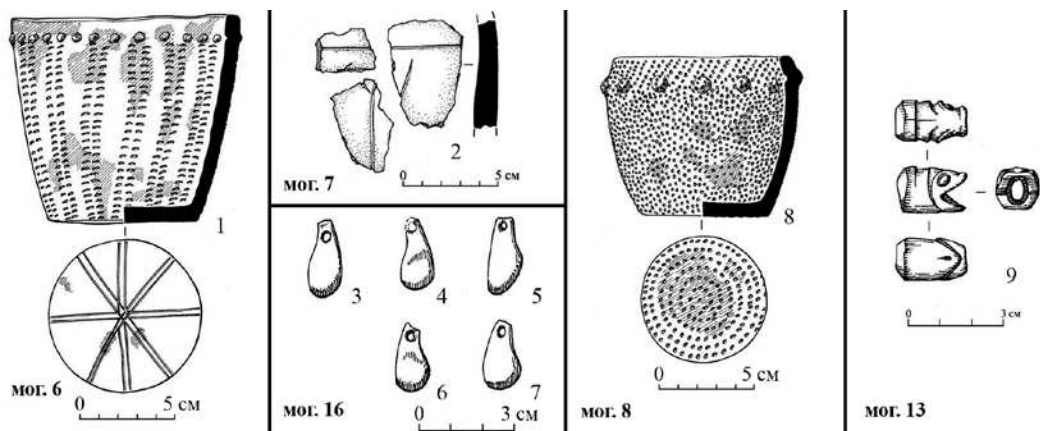

Рис. 7. Артефакты, обнаруженные в ходе раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков: 1 – могила 6; 2 – могила 7; 3–7 – могила 16; 8 – могила 8; 9 – могила 13. 1, 2, 8 – керамика; 3–7 – зубы животных; 9 – кость

2006, рис. 1.-3; Кириллова, Подольский, 2006, рис. 12]. Этот изобразительный мотив зачастую использовался также при нанесении раскраски на стенки окуневских погребальных ящиков [Лазаретов, 1997, табл. XI.-9; Хаврин, 1997, рис. 4; Липский, Вадецкая, 2006, табл. XVIII.-1, 2]. Фрагмент сосуда из могилы 7 украшен вертикальными линиями с развилками на конце, символизирующими стилизованные изображения змей. Данный орнаментальный прием встречается как на посуде, так и на окуневских антропоморфных личинах [Наглер, Парцингер, 2006, рис. 3.-12, Леонтьев, 2006]. Такими же раздвоенными линиями либо свисающими треугольными фестонами был украшен сосуд из могилы 1, от которого сохранился только небольшой фрагмент (рис. 6.-7).

На внешних стенках большинства сосудов, найденных в ходе раскопок могильника Уйбат-Чарков, были обнаружены следы раскраски охрой. В нижней части сосудов она была практически сплошной, а в верхней прослеживалась лишь местами. Определить, что символизировала эта раскраска, пока не удалось. Такая раскраска отмечается практически на всей посуде из погребений уйбатского этапа окуневской культуры. Ее не было только на одном фрагменте из насыпи кургана (рис. 6.-3). Отсутствие окраски и орнаментация зоны венчика этого сосуда горизонтальными прочерченными линиями, характерными для посуды черновского этапа, позволяет предполагать, что данный фрагмент может происходить из впускной могилы 14 и относиться к финальному периоду функционирования могильника.

Металлический инвентарь погребений кургана №1 могильника Уйбат-Чарков представлен шильями, лезвиями ножей или кинжалов, которые хранились в специальных кожаных ножнах (рис. 6.-10). Все предметы изготовлены из чистой меди. Отсутствие в погребениях оловянистых бронз – характерная черта уйбатского этапа [Хаврин, 2006]. Стандартные шилья, длиной около 5 см, имели квадратное сечение и вставлялись в костяную или деревянную рукоятку (рис. 6.-26, 37; 8.-6). Одно шило представляло собой уникальное цельнолитое изделие длиной 17 см с утолщением на конце в виде шляпки (рис. 8.-10). По бокам оно оформлено специальными долами, что свидетельствует о высокой степени развития бронзолитейного искусства. Удивительно, но подобные шилья на территории Минусинских котловин получили широкое распространение только в скифскую эпоху [Максименков, 2003, табл. 24.-1–5].

Полноценные кинжалы обнаружены в двух погребениях (3 и 9). От стандартных окуневских ножей их отличают удлиненные пропорции и ромбическое сечение лезвия. У одного из кинжалов насад оформлен в виде трапеции, обращенной узкой стороной к рукояти (рис. 8.-4). Лезвие второго предмета сильно коррозировано, определить его точные пропорции и конфигурацию насада невозможно (рис. 6.-11). В могиле 5 найден фрагмент острия кинжала, явно обломленный от полноценного изделия (рис. 6.-38). Возможно, в дальнейшем этот обломок лезвия использовался в качестве ножа.

Нож из могилы 2 не имел насада, так же как у листовидных ножей черновского этапа (рис. 6.-8). У изделий уйбатского периода обычно имеется зауженный черешок [Киргинеков, 2010, рис. 4.-2; Лазаретов, 1997, табл. XIII.-1, 2; Липский, Вадецкая, 2006, табл. XIV.-1, 3, 9; Подольский, 1997, рис. 5.-1]. Однако считать этот нож поздним, на наш взгляд, не вполне корректно. Судя по общей конфигурации и ромбическому сечению, он также первоначально представлял собой обломок лезвия кинжала, впоследствии перекованный и использованный в качестве ножа. Вероятно, это была распространившаяся еще на уйбатском этапе культуры практика, приведшая в конеч-

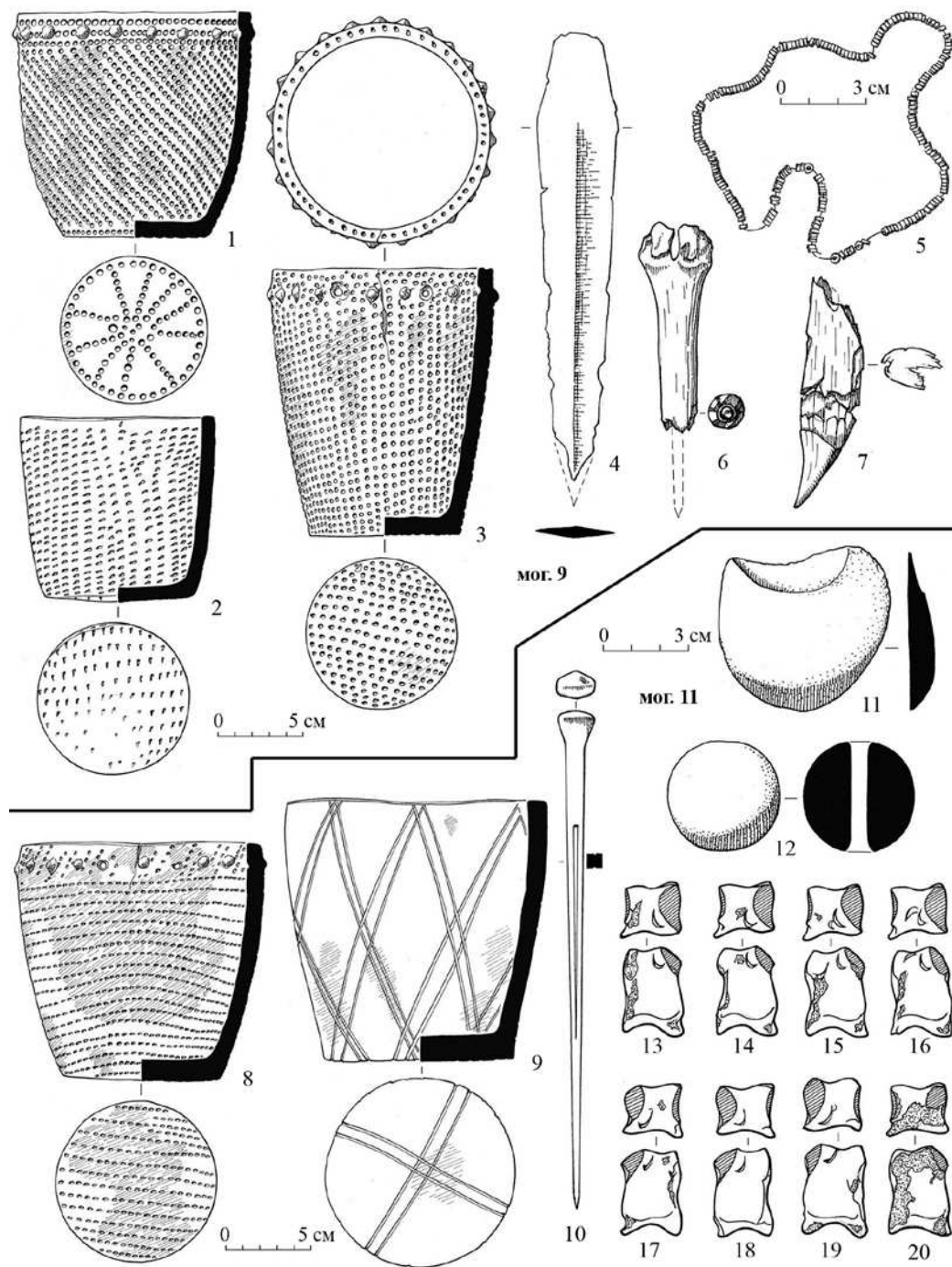

Рис. 8. Артефакты, обнаруженные в ходе раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков:
1-7 – могила 9; 8-20 – могила 11. 1-3, 8, 9 – керамика; 4, 10 – металл (медь?);
6, 13-20 – кость; 5 – аргиллит; 7 – зуб животного; 11, 12 – камень

ном итоге к массовому переходу на черновском этапе к изготовлению листовидных ножей без выраженного насада [Лазаретов, 1997, табл. XIII.-4, 5; Максименков, 1980, табл. XIX.-7, 13–18].

На начальном этапе изучения окуневской культуры сложилось мнение о безынвентарности абсолютного большинства мужских захоронений [Максименков, 1980, с. 19, 20, 22]. Исключением считались единичные погребения с ритуальными предметами. Исследование серии ранних комплексов позволило разделить мужские и женские захоронения не только по обряду погребения (на спине – на боку), но и по составу сопроводительного инвентаря. В частности, оба кинжала в кургане №1 могильника Уйбат-Чарков происходят из захоронений мужчин. Аналогичная картина наблюдается и в других комплексах [Вадецкая, 1981, рис. 2.-5; Лазаретов, 1997, табл. XIII.-3, Максименков, 1981, рис. 3.-15]. Мужчине и подростку принадлежали белые мраморные шары с отверстиями в могилах 3 и 11 (рис. 6.-23; 8.-12). Эти специфические предметы обычно находятся в области таза погребенных и являются своеобразными хронологическими индикаторами могил уйбатского этапа. Их не следует путать с крупными бусинами и шариками без отверстий, которые эпизодически встречаются в женских захоронениях окуневской культуры. Мраморные шары с отверстиями обнаружены в погребениях мужчин и мальчиков целого ряда ранних комплексов: Пистах, курган №3, могила 1; Есино-IV, могила 2; Моисеиха, курган №5; Верхний Аскиз, могила 2; Барсучиха-IV, курган №22, могила 2; Летник-VI, ограда №30; Уйбат-Хулган, курган №1; Итколь-II, курган №14, могила 4; Уйбат-I, могила 7. Единственное исключение – материалы могильника Тас Хазаа, которые не вызывают доверия в плане антропологических определений и привязки артефактов к конкретным захоронениям.

Сугубо мужским атрибутом в материалах кургана №1 могильника Уйбат-Чарков следует считать подвески из клыков медведя. Они обнаружены у трех погребенных в могилах 3 и 9 (рис. 6.-12, 25; 8.-7). В женских и детских окуневских захоронениях встречаются только резцы и когти медведя, клыки и резцы других диких животных (волка, лисы, соболя, кабарги, косули, марала, крупных грызунов). В случае с курганом №1 могильника Уйбат-Чарков просверленные клыки марала были найдены в женском погребении №4 и детском захоронении №16 (рис. 6.-30–34; 7.-3–7). Два резца марала и костяная имитация клыка хищника обнаружены рядом с черепом ребенка в погребении №3 (рис. 6.-13–15).

К погребениям мужчин, судя по материалам других могильников, приурочены каменные оселки и выпрямители древков стрел, костяные гарпуны и остроги, а височные кольца, бронзовые и костяные игольники (рис. 6.-27), каменные скребки (рис. 6.-11), напротив, сопровождают женские захоронения. Керамическая посуда, бронзовые ножи и шилья помещались в могилу независимо от пола погребенного в ней человека.

Другой сопроводительный инвентарь в кургане №1 могильника Уйбат-Чарков представлен каменной бусиной (рис. 6.-36), костяной пронизкой (рис. 6.-16), альчиками баранов с подрезкой (рис. 8.-13–20) и костяными колечками с насечками по краю (рис. 6.-6, 17–22, 35). Последние, наряду с мраморными шарами, являются четким показателем раннего возраста памятника и маркируют погребения уйбатского этапа.

Особое место в инвентаре окуневской культуры занимают художественные изделия мелкой пластики. Наиболее распространены стеатитовые головки и костяные пластинки с изображением женского лица, представленные в материалах черновского

этапа [Максименков, 1980, табл. XXIV]. Известны и находки резных художественных изделий из кости или рога, относящиеся к уйбатскому времени [Поляков, Есин, 2015]. Подобная вещь была найдена при исследовании могилы 13 кургана №1 могильника Уйбат-Чарков. Это головка, предположительно змеи, вырезанная из трубчатой кости (рис. 7.-9). К сожалению, могила сильно потревожена, и назначение предмета остается неясным. Можно полагать, что сквозь головку пропускался кожаный ремень, украшением которого она являлась.

Изображения на камнях

В ходе работ на кургане было обнаружено восемь плит с изображениями (прорисовки выполнены Ю.Н. Есиным, за что авторы выражают ему искреннюю признательность) (рис. 9). Все они попали сюда в качестве строительного материала и использовались для перекрытий могил 1 и 11 либо закрывали вход в катакомбу №6. Особняком стоит плита с процарапанными изображениями пяти человеческих ног (рис. 9.-8). Она была найдена в насыпи кургана и отличается от других стел как по манере изображения, так и по технике нанесения рисунка.

Серия плит с фрагментами окуневских «личин» была использована в качестве перекрытий могил 1 и 11 (рис. 9.-1–4, 7). Они фрагментированы и не составляют полного рисунка. Плиты лежали как изображением вверх, так и вниз. Техника нанесения рисунка – выбивка с последующей шлифовкой линий. Благодаря тому, что плиты в могиле 1 находились на глубине свыше 4 м, на них хорошо сохранилась краска. Удалось проследить, что фон изображений был выполнен красной охрой, а линии выбивки заполнялись черной краской. Изображения изобилуют сложными деталями (третий глаз, уши, солярные символы), что свидетельствует о существовании уже на уйбатском этапе культуры высокоразвитой художественной традиции.

Важным моментом является находка на одной из плит в могиле 1 схематичного человечка, процарапанного поверх окуневского изображения (рис. 9.-1а). Подобные изображения никак не связаны с окуневской культурой, зато аналогии можно обнаружить в памятниках скифского времени [Александров, Боковенко, Смирнов, 2014, рис. 34]. Плита находилась на уровне заплечиков могилы, и нет сомнения в том, что этот человечек был нацарапан теми, кто потревожил могилу. Основное погребение кургана было уничтожено в ходе ограбления, вероятно, в скифское время.

Два камня были обнаружены в закладе входа в катакомбу №6. Первый из них представляет собой каменный блок с простым антропоморфным изображением. Прорисованы два глаза с черточками бровей, нос в виде горизонтальной линии и рот. В верхней части камня намечена маленькая «личина» с абрисом, тремя глазами и ртом. Подобные изваяния были обнаружены при раскопках могильников Уйбат-III (курган №1) и Уйбат-V (курган №1) [Лазаретов, 1997, табл. XI.-1, 3, 4].

Второй камень из этого заклада имеет важнейшее значение для изучения искусства населения окуневской культуры (рис. 9.-6). На его нижней грани было обнаружено хорошо сохранившееся нанесенное охрой изображение личины джойского типа. Этот тип изображений традиционно относился к наиболее позднему пласту искусства окуневской культуры [Леонтьев, 1978, с. 97; Савинов, 2006, с. 167]. Находка личины в закладе катакомбы кургана уйбатского этапа полностью опровергает подобную точку зрения. Изображение джойского типа оказалось представлено в одном из самых ранних курганов окуневской культуры. На этом основании была выдвинута гипотеза о суще-

Рис. 9. Изображения на камнях, обнаруженные в ходе раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков: 1–4 – могила 1; 5, 6 – могила 6; 7 – могила 11; 8 – насыпь кургана

ствовании отдельного направления в окуневском искусстве, которое развивалось особым путем, параллельно с традиционными стилями. По-видимому, это был отдельный жанр изображений, приуроченных к древним караванным тропам и посвященных особому божеству – покровителю путешественников и торговцев [Лазаретов, 2011].

Хронология кургана

Вне всякого сомнения, курган №1 могильника Уйбат-Чарков следует относить к уйбатскому этапу окуневской культуры. На это указывают масштаб ограды, характерные типы погребальных конструкций (грунтовые ямы, катакомбы и ямы с заплечиками), керамика с орнаментацией «жемчужником», специфические категории инвентаря (мраморные шары с отверстиями, костяные колечки с насечками). Сложнее определить его конкретное место в цепочке ранних памятников. По ряду показателей этот курган выглядит чрезвычайно архаичным. Его ограда из массивных гранитных блоков, мощное каменное сооружение над центральной могилой сопоставимы по масштабу только с конструкциями кургана №1 могильника Уйбат-III. Ранним признаком является оформление основного захоронения в виде обширной грунтовой ямы с заплечиками. Ее общая глубина (4,4 м), вообще не имеет аналогов на Енисее. На ранний возраст памятника указывает и обряд захоронения с четкой дифференциацией по половому признаку.

В то же время в нем отмечен ряд особенностей, получивших развитие в относительно поздних комплексах уйбатского этапа. В частности все могилы в пределах ограды были устроены с уровня погребенной почвы, и только после этого сооружена общая курганный насыпь. В качестве поздних признаков можно рассматривать конструкцию могилы 9 и находку листовидного ножа без выраженного насада в погребении №2. Хотя столь раннее их появление, возможно, является вынужденной мерой, опередившей свое время. С учетом всех обстоятельств курган №1 могильника Уйбат-Чарков может быть датирован началом – серединой уйбатского этапа. Он несколько позже кургана №1 Уйбата-III, но раньше кургана №1 Уйбата-V. Конструктивно Уйбат-Чарков наиболее близок к могильникам Уйбат-I, Уйбат-Тибик и, вероятно, образует с ними одну хронологическую группу.

По образцам из могилы 11 кургана №1 могильника Уйбат-Чарков сделаны пять определений радиоуглеродных дат. Именно в этом непотревоженном погребении сохранился фрагмент деревянной лаги, на которую опиралось перекрытие могилы из плит песчаника. По образцу из нее традиционным методом в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН был сделан анализ Ле-9413 (3820 ± 35) (рис. 10.-I). После калибровки (OxCal v4.2.4) получен хронологический отрезок (вероятность 95,4%) – 2456–2142 гг. до н.э.

Еще четыре образца были датированы в ¹⁴ХРОНО Центре по изучению климата, окружающей среды и хронологии (Королевский Университет Белфаста). В ходе исследований изучалось влияние резервуарного эффекта на результаты проведения радиоуглеродного анализа [Svyatko et al., 2017]. Для этого из могилы 11 были отобраны образцы различных материалов: дерева, кости травоядного животного (астргал овцы) и костей человека от обоих скелетов. Исследования проводились с использованием ускорительного масс-спектрометра (AMS). Полученные данные не выявили влияния материала образца на конечный результат, что свидетельствует об отсутствии заметного влияния резервуарного эффекта на даты, полученные по костям человека для данного погребения окуневской культуры.

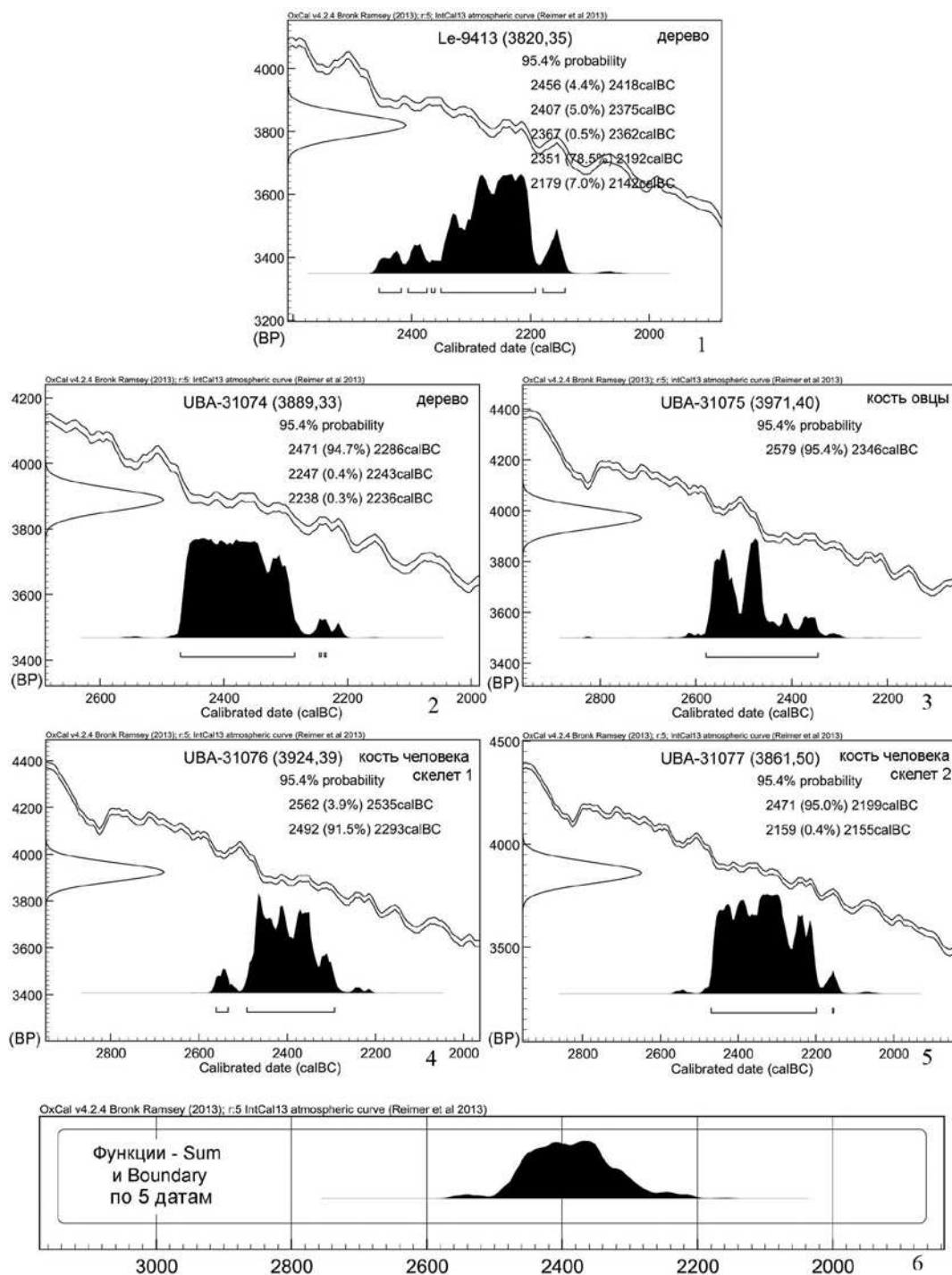

Рис. 10. Радиоуглеродные даты, полученные по образцам из могилы 11 кургана №1 могильника Уйбат-Чарков

Результаты анализа четырех образцов (UBA-31074-31077) оказались очень близки (рис. 10.-2-4). Сумма вероятности всех пяти дат с использованием функций *Sum* и *Boundary* позволяет датировать могилу 11 кургана №1 могильника Уйбат-Чарков в рамках XXV–XXIII вв. до н.э. (рис. 10.-6). Эти данные полностью совпадают с полученными ранее результатами и подтверждают ранний возраст памятников уйбатского типа [Поляков, Святко, 2009, с. 27–29; Svyatko et al., 2009, p. 247–250; Поляков, 2017а].

Заключение

Подводя итог описанию и первичному анализу материалов кургана №1 могильника Уйбат-Чарков, необходимо резюмировать наиболее важные наблюдения:

1. Курган датируется уйбатским этапом окуневской культуры. На основании серии из пяти радиоуглеродных анализов, полученных различными методами и в разных лабораториях, его дата может быть определена в пределах XXV–XXIII вв. до н.э.

2. Данный курган может рассматриваться в качестве эталонного для комплексов начала – середины уйбатского этапа окуневской культуры. Его захоронения (за исключением могилы 14) устроены с уровня погребенной почвы и имеют относительно узкий хронологический интервал.

3. В материалах памятника представлены серии двух редких типов погребальных конструкций окуневской культуры: катакомбы и ямы с заплечиками, что позволяет окончательно закрыть дискуссию о справедливости их выделения. Вероятно, они представляют собой пережиток ранних погребальных сооружений, с которыми носители окуневской культуры пришли в Хакасско-Минусинскую котловину.

4. На примере кургана №1 могильника Уйбат-Чарков удалось установить в ранних комплексах уйбатского этапа четкую дифференциацию погребального обряда по половому признаку. Все женщины оказались захоронены на боку, мужчины – на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями ногами.

5. Выявлена устойчивая связь бронзовых кинжалов, украшений из клыков медведя, мраморных шаров с отверстиями с погребениями мужчин.

6. Важные наблюдения связаны с обнаружением в раннем окуневском кургане как относительно простых личин, так и весьма сложных, развитых образов. Становится ясно, что рассматривать развитие окуневского искусства по примитивной схеме, от элементарных форм к сложным, нельзя. Раскопки памятников уйбатского этапа убедительно показывают, что даже в ранний период равно представлены не только простые, но и стилистически развитые образы.

Изучение материалов кургана №1 могильника Уйбат-Чарков позволяет поднять ряд вопросов, непосредственно связанных с проблемой происхождения окуневской культуры. Сегодня уже мало кто сомневается в том, что формирование окуневского феномена сопряжено с активными миграционными процессами. На это впрямую указывают данные антропологии. Европеоидный компонент окуневской культуры отличается от других антропологических серий ярко выраженной брахикранией и наличием специфической затылочно-теменной деформации. Те же особенности выявлены у населения позднеямного и ямно-катакомбного времени Северо-Западного Прикаспия [Громов, 1995; 1997; Казарницкий, 2011]. Уникальная по своей глубине яма с заплечиками в кургане Уйбат-Чарков имеет точное соответствие на территории Калмыкии [Синицын, Эрдниев, 1981, рис. 5]. В том же комплексе обнаружены жертвенники со шкурами быков, захоронения в грунтовых ямах и катакомбах, расположенных дву-

мя цепочками вокруг центральной могилы, женские захоронения на боку и мужские на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями ногами, а среди инвентаря – курильницы с перегородкой [Синицын, Эрдниев, 1981, с. 37–42]. Из соседних курганов происходят бронзовые височные кольца, листовидный нож с черешковым насадом, четырехгранное шило, костяной игольник с медной иглой. Фактически в памятниках северо-западного Прикаспия конца 1-й половины III тыс. до н.э. представлен полный список соответствий всем важнейшим инновациям, которые, собственно, и характеризуют окуневскую культуру Южной Сибири, особенно в ее раннем варианте.

Адаптация пришлого населения к новым природным условиям привела к быстрой трансформации погребальных сооружений, изменению обряда захоронения. Катакомбы и ямы с заплечиками, связанные со степными просторами, дефицитом леса и камня, в относительно короткий срок исчезают. Их сменяют грунтовые ямы и ящики из плит песчаника, перекрытые деревом и камнем.

Приложение

Материалы раскопок кургана №1 могильника Уйбат-Чарков

Могильник Уйбат-Чарков находится в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия, в 1 км к северо-западу от села Чарков. Он расположен на высокой надпойменной террасе правого берега реки Уйбат, у подножия горы Хазынсорах. Курганы построены на пологом склоне, который в настоящее время используется под пастбище и огороды. Могильник состоит из трех курганов, датирующихся эпохой ранней бронзы (окуневская культура). Для раскопок был выбран курган №1, расположенный выше по склону, вплотную к автодороге Абакан – Сорск. До начала работ он представлял собой небольшое всхолмление на поверхности степи с отдельными выступающими камнями. Сохранившаяся высота насыпи 0,5–0,6 м. Тело кургана состояло из слоя камней мощностью 0,4–0,65 м перекрытого современным дерном. Ниже залегала темная гумусированная прослойка погребенной почвы толщиной до 0,1 м. Подстилал стратиграфическую ситуацию материковый суглинок желтоватого цвета.

Основу кургана составляла квадратная ограда размерами 15×15 м, ориентированная стенками по сторонам света с небольшим отклонением (рис. 1). Ограда составлена из установленных на ребро плоских гранитных глыб толщиной 0,3–0,4 м. Они были незначительно углублены в материк и расклинены камнями меньшего размера. Слой каменной закладки в восточном секторе ограды имел большую мощность, чем в западной ее части. Он состоял из глыб серого крупнозернистого гранита. Отдельные валуны достигали веса в 200–300 кг. Их, по-видимому, доставляли из древней каменоломни, расположенной у подножия горы в 500 м к северо-западу от кургана. Промежутки между крупными глыбами заполнялись мелкими скальными обломками красноватого цвета, взятыми здесь же на склоне горы.

Удалось проследить следующую последовательность строительства кургана. Вначале была сооружена ограда, в центре которой было устроено основное захоронение (могила 1). Над ним было возведено мощное каменное надмогильное сооружение, ставшее ориентиром для дальнейших захоронений. Все последующие погребения встраивались в промежуток между надмогильным сооружением центральной могилы и стенками ограды, исключая ее восточный сектор. Они также имели каменные надмогильные сооружения, но гораздо меньшего, чем над основным захоронением, размера. По окончании функционирования кладбища вся площадь ограды была заложена камнем. Надмогильные сооружения и последующая закладка образовали единый каменный панцирь, придавший кургану его современный облик. Единственное погребение, которое было впущено в курган после этого, – могила 14.

При разборке каменного заклада у середины восточной стенки ограды на фрагменте плиты песчаника был обнаружен гравированный рисунок пяти человеческих ног от трех фигур (рис. 9.-8). На другой плитке песчаника, найденной у середины южной стенки ограды, была прочерчена сетка из тонких линий (рис. 6.-4). В этом же районе встречены фрагменты двух окуневских сосудов (рис. 6.-2, 3). Среди камней в северо-восточном секторе кургана обнаружены фрагменты керамической курильницы, костяное колечко и резец сурка со следами окраски охрой (рис. 6.-1, 5, 6). Эти вещи соответствуют времени функционирования кургана и, вероятно, попали в его насыпь при ограблении могил. Кроме того, в насыпи был найден железный наконечник стрелы, относящийся к эпохе средневековья.

Всего в кургане исследованы 17 захоронений, из которых 16 (могилы 1–16) относятся к окуневской культуре, а последнее погребение (могила 17) – к раннему средневековью.

Могила 1. В центре ограды находилась подпрямоугольная грунтовая яма с глубоко опущенными заплечиками, ориентированная осью по линии запад–юго-запад – восток–северо-восток (рис. 1; 2). В верхней части, от погребенной почвы и до глубины 3,4 м, она имела размеры 3,4×2,8 м. В ее донной части была сделана дополнительная выемка размерами 2,2×1,6 м и глубиной 1 м. Таким образом, общая глубина могилы составила 4,4 м. Это более чем в два раза перекрывает максимальные показатели всех известных нам окуневских могил. Феноменальный результат не только для комплексов эпохи бронзы, но и для любых других археологических памятников Хакасско-Минусинской котловины. На материковых заплечиках ямы сохранились остатки деревянного перекрытия. Оно состояло из поперечного бревенчатого наката, опиравшегося на две продольные лаги. От дерева остались только следы тлена, что не позволило взять образцы для радиоуглеродного анализа. Поверх бревенчатого перекрытия располагались плиты песчаника, лежащие в один слой. На четырех из них сохранились фрагменты окуневских «личин» (рис. 9.-1–4). Они лежали как изображением вверх, так и вниз. На одной из плит поверх выбитой окуневской «личины» тонкими линиями процарапано схематическое изображение человеческой фигурки (рис. 9.-1а). Этот рисунок, вероятно, датируется скифской эпохой и был нанесен при ограблении кургана.

Вся верхняя часть могилы была плотно заложена гранитными глыбами и скальными обломками, аналогичными по своей фактуре камням закладки кургана и надмогильного сооружения. Определить первоначальный размер и конфигурацию самого надмогильного сооружения, надежно отделить камни его основы от последующей закладки в настоящее время уже невозможно. Оно было частично разобрано при устройстве позднейших могил, частично разрушено грабителями.

Несмотря на большую глубину могилы и сплошную каменную закладку, она все же была полностью разграблена. В заполнении нижней камеры сохранились фрагменты черепа и длинных костей крупного мужчины 35–45 лет (здесь и далее антропологические определения Н.И. Лазаретовой) и небольшой кусочек сосуда с резным геометрическим рисунком (рис. 6.-7). В заполнении могилы был также найден фрагмент черепа ребенка в возрасте до полугода. Не исключено, что он попал туда случайно при ограблении могилы.

Могила 2. В северо-восточном секторе кургана обнаружена грунтовая яма с заплечиками подпрямоугольной формы, ориентированная осью по линии запад–восток (рис. 3.-1, 2). Ее верхняя часть до глубины 0,8 м имела размер 2,2×1,8 м и была заполнена гранитными валунами. В донной части была сделана дополнительная выемка размерами 1,3×0,8 м и глубиной 0,7 м. Таким образом, общая глубина могилы составила 1,5 м. На уровне материковых заплечиков яма была перекрыта плитками песчаника, уложенными в 3–4 слоя. Следов дерева не обнаружено, однако плиты должны были иметь дополнительную опору. На дне могилы располагался скелет женщины старше 55 лет, лежавшей скорченно на правом боку, головой на запад. Бедренные кости располагались под прямым углом к линии позвоночника. Ее правая рука была вытянута к коленям, левая согнута в локтевом суставе. Между бедром и левым предплечьем женщины лежало лезвие бронзового ножа со следами тлена от деревянной рукоятки (рис. 6.-8).

Могила 3. В северо-западном углу кургана обнаружено захоронение в катакомбе (рис. 1; 4.-1–3). Входная яма размерами 1,5×1,2 м была оформлена в виде дромоса, ориентированного по линии северо–северо-запад – юго–юго-восток. В южной части ее глубина составляла всего 0,25 м, а в северной достигала 0,75 м. На ступеньке, отделявшей вход от погребальной камеры, располагался брусчатый камень, лежащий горизонтально поперек прохода. На него и на верхнюю часть свода катакомбы опиралась плита высотой 0,7 м, закрывавшая вход. При локальном обрушении свода она завалилась внутрь погребальной камеры, частично накрыв останки погребенных в ней людей. Дно погребальной камеры располагалось на глубине 0,85 м от уровня древней поверхности. Между ним и полом входной ямы имелась материковая ступенька высотой 0,1 м. Погребальная камера имела подпрямоугольную форму и размеры 1,8×1,2 м. В ней было захоронено четыре человека. Первым, очевидно, был погребен мужчина 35–40 лет. Он был уложен в центральной части камеры и развернут головой на юго–юго-восток, к входу. Его ноги согнуты в коленях и завалены на левую сторону. Руки согнуты в локтевых суставах и лежат кистями на груди. Справа от его черепа обнаружен белый каменный шар с отверстием (рис. 6.-23), а у левого локтя найден кожаный чехол, внутри которого виднеется часть деревянной рукоятки бронзового предмета, ножа или шила (рис. 6.-10). Рядом с чехлом лежала подвеска из клыка медведя с просверленным отверстием (рис. 6.-25). Справа от тазовых костей погребенного стоял сосуд баночной формы (рис. 6.-9). На дне могилы, под скелетом, обнаружены небольшие фрагменты плетеной циновки из органического материала, листьев ириса или тонкой коры кустарни-

ка (рис. 6.-24). Под скелетом и над ним местами фиксировалась прослойка красновато-бурого цвета толщиной около 1 см. Возможно, это остатки войлочной (?) подстилки и покрывала. Вероятно, при их разложении красящий пигмент перешел на кости погребенного человека, придав им характерный красновато-бурый цвет. Такую же окраску имели кости и в некоторых соседних погребениях.

У левого плеча взрослого погребенного располагались фрагменты черепа новорожденного ребенка. Рядом с ними, вплотную друг к другу, лежали два зуба оленя и подвеска, выточенная из острого рога (рис. 6.-13–15). Все они имели отверстия для подвешивания. Фрагмент черепа другого новорожденного ребенка располагался справа от взрослого покойника. Рядом с ним, компактной россыпью, лежали шесть костяных колечек (рис. 6.-17–22). Оба ребенка, вероятно, были ориентированы головами в южном направлении.

Последним в могиле был захоронен мужчина 40–50 лет. Он лежал поверх первого скелета и был ориентирован в противоположном направлении, головой на северо-северо-запад. Его правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и лежит кистью на тазе. Ноги согнуты в коленях и завалены на левую сторону (рис. 4.-1). В области грудной клетки покойника находился сильно окислившийся бронзовый кинжал (рис. 6.-11). Под ним сохранились куски кожи. В заполнении могилы обнаружены перемещенные грызунами отдельные косточки детей, еще одна подвеска из клыка медведя и костяная бусина (рис. 6.-12, 16).

Могила 4. Катакомба, частично перекрывшая своей входной ямой погребение №3 (рис. 1; 4.-1–3). Строители этой могилы, по-видимому, ошиблись с определением точного места предшествующего захоронения. Их входная яма наложилась на камеру более ранней могилы, что привело к частичному обрушению свода и падению запорной плиты катакомбы могилы 3. После этого строители не стали выбирать входную яму дальше, ограничившись глубиной 0,5 м. Первоначально она предполагалась более глубокой, так как высота приготовленной заранее запорной плиты могилы 4 была 0,65 м. В сложившихся условиях высота входа в катакомбу составила всего около 0,3 м. Все последующие работы и манипуляции с телами погребенных производились через эту узкую щель. Сама погребальная камера имела форму овала размерами 1,4×0,55 м и была ориентирована осью по линии север–юг. Ее дно находилось на 0,15 м ниже уровня входа. Общая высота свода этого сооружения не превышала 0,45 м. В камеру была буквально втиснута женщина старше 55 лет. Она лежала скорченно на правом боку, головой на юг. Бедренные кости располагались под прямым углом к линии позвоночника. Ее правая рука была вытянута к коленям, левая согнута в локтевом суставе. Как и в соседней могиле, кости погребенной оказались окрашены в красновато-бурый цвет. Между бедром и левым предплечьем женщины лежало бронзовое шило с деревянной рукоятью и пять зубов оленя с отверстиями для подвешивания (рис. 6.-26, 30–34). Перед лицом погребенной располагалось два миниатюрных баночных сосуда (рис. 6.-28, 29). В области грудной клетки женщины найдены несколько перемещенных грызунами косточек новорожденного ребенка и костяной игольник (рис. 6.-27). После совершения погребения вход в камеру был закрыт вертикальными плитами, а входная яма заложена гранитными валунами. Часть каменной закладки входных ям могил 3 и 4 была уничтожена грабителями. При этом сами погребения остались непотревоженными.

Могила 5. У середины северной стенки ограды под камнями закладки была обнаружена плита песчаника. Под плитой расчищена грунтовая яма размерами 0,85×0,65 м и глубиной 0,3 м (рис. 1; 4.-11, 12). В западной части могилы обнаружены фрагменты черепа новорожденного ребенка. В северо-восточном углу погребения располагался плоскодонный сосуд (рис. 6.-39). Рядом с ним найдены бронзовое шило, лезвие ножа, костяное колечко с насечками и бусина (рис. 6.-35–38).

Могила 6. Возле середины западной стенки ограды был обнаружен гранитный валун, заметно просевший ниже уровня погребенной почвы (рис. 1; 3.-3, 4). Под ним оказалась подквадратная яма размерами около 1 м, заполненная камнями. Среди этих камней были обнаружены переброшенные, но сохранившие сочлененность кости ног подростка. Ниже, у северной стенки ямы, были найдены череп того же подростка, разрозненные кости младенца, фрагменты бересты, возможно, остатки колыбели, и баночный сосуд (рис. 7.-1). В процессе раскопок выяснилось, что данная яма является грабительским лазом, ведущим в камеру катакомбы. Камера представляла собой овальную нишу размерами 1,5×0,8 м, расположенную на глубине 1,4 м. Она была ориентирована осью по линии север–юг. На дне ямы в непотревоженном состоянии сохранилась грудная клетка, таз и кости стоп крупного мальчика 9–12 лет. Он лежал головой на юг, на спине, с ногами, согнутыми и установленными коленями вверх. Правая рука лежала кистью на тазе, левая была согнута в локтевом суставе и располагалась на груди. Вход в катакомбу находился за оградой. Там была расчищена овальная яма размерами 1,45×0,8 м, глубиной 1,4 м. Погребальная камера была отделена от входа плоскими камнями, установленными на ребро. На одной из плит заклада была выбита личина, на другой личина

оказалась нанесена охрой (рис. 9.-5, 6). Стела с выбивкой была перевернута и обращена изображением к входу. Охристая личина оказалась развернута лицевой частью вниз. На этом же камне имелись заглаженные выемки, напоминающие отпечаток ноги. После совершения погребения входная яма была заложена камнями и засыпана материковым грунтом. Камни ограды, частично разобранные в ходе строительства погребения, были восстановлены на своих местах.

Могила 7. Прямоугольная грунтовая яма размерами 1,5×1 м, глубиной 1 м располагалась в юго-восточном углу ограды (рис. 1; 3.-9, 10). Она ориентирована осью по линии северо-запад – юго-восток. Захоронение разграблено. В заполнении ямы найдены обломки таза, бедренной кости взрослого мужчины и фрагменты сосуда (рис. 7.-2).

Могила 8. В северо-западном углу ограды, среди камней каменной закладки, обнаружены разрозненные косточки новорожденного ребенка (рис. 1; 4.-4, 5). Здесь же, на уровне материка найден небольшой баночный сосудик (рис. 7.-8). Контур ямы определить не удалось. Ее глубина, по-видимому, не превышала 0,2 м.

Могила 9. Располагалась между могилой №1 и северной стенкой ограды (рис. 1; 5.-1–4). По-видимому, она была пристроена вплотную к центральному надмогильному сооружению. Яма имела подквадратную форму, размер 1,9×1,9 м и была ориентирована осью по линии запад–юго-запад – восток–северо-восток. Глубина ее составляла 0,8 м. На дне ямы был установлен небрежно оформленный ящик, собранный из плоских довольно грубых камней. Размер его 1,1×0,6 м, высота 0,4 м. Пространство между ящиком и стенками ямы было заложено обломками скальной породы. Сверху могила оказалась перекрыта плитами песчаника, уложенными в несколько слоев. Строилась могила, вероятно, в зимнее время. В ее заполнении обнаружено большое количество угольков и древесной золы от костра, которым отогревали землю. Их наличие отрицательно сказалось на сохранности костей погребенных здесь людей. В ящике было произведено два или три последовательных захоронения. Первой была захоронена женщина старше 55 лет. Погребенный человек лежал на левом боку скорченно, головой на запад–северо-запад (рис. 5.-2). Ее руки согнуты в локтевых суставах и лежат кистями перед грудью. Обшлага рукавов были обшиты мелким каменным бисером, собрано 208 миниатюрных бусин (рис. 8.-5). Под бедренными костями найдена рукоять бронзового шила, выполненная из кости животного (рис. 8.-6). Само шило полностью разложилось. Вероятно, этому же погребенному принадлежал сосуд, обнаруженный в юго-западном углу могилы (рис. 8.-1). На дне ямы местами сохранились кусочки бересты от подстилки.

Поверх первого погребенного было уложено тело женщины (?) старше 55 лет (по определению антрополога). Погребенный располагался на спине, с ногами, согнутыми и поднятыми вверх коленями. Он был ориентирован головой на запад–юго-запад (рис. 5.-3). Руки согнуты в локтевом суставе и лежат кистями на груди. Перед черепом находился баночный сосуд (рис. 8.-3), а на головке правой бедренной кости лежало лезвие бронзового кинжала (рис. 8.-4). Вероятно, к этому захоронению относится и клык медведя, найденный в донной части могилы (рис. 8.-7). Судя по обряду и сопроводительному инвентарю, данный погребенный является мужчиной.

В области его груди обнаружены фрагменты черепа и несколько перемещенных грызунами косточек новорожденного ребенка. Скорее всего, именно ребенку принадлежит миниатюрный сосуд с округлым дном (рис. 8.-2).

Могила 10. В западной части ограды расчищена прямоугольная грунтовая яма размерами 0,75×1,5 м, глубиной 0,85 м, ориентированная осью по линии северо–северо-запад – юго–юго-восток (рис. 1; 4.-6, 7). Погребение полностью разграблено. В его южной части на дне обнаружена пятчатая кость. В заполнении могилы в перемещенном состоянии найдены практически полные скелеты мужчины старше 55 лет и женщины (?) старше 55 лет. Здесь же встречен комок охры. Кости скелетов имели характерную красновато-бурую окраску.

Могила 11. Расположена в юго-западном секторе кургана (рис. 1). Грунтовая яма подпрямоугольной формы ориентирована осью по линии северо-запад – юго-восток (рис. 5.-5–7). Верхняя камера имела размер 2×1,35 м и глубину 0,5 м. В ее донной части была сделана дополнительная выемка размерами 1,4×0,95 м и глубиной 0,7 м. Таким образом, общая глубина могилы составила 1,2 м. На уровне материковых заплечиков яма была перекрыта плитами песчаника, уложенными в 5–6 слоев. На нижней плите, расположенной в юго-западной части могилы, сохранилась часть личины, сделанная выбивкой и прокрашенная черной краской (рис. 9.-7). Лицевой частью стела была обращена к погребению. Плиты перекрытия опирались на поперечные деревянные лаги, одна из которых частично сохранилась.

В могиле было захоронено два человека. У северо-восточной стенки располагался скелет женщины в возрасте около 30 лет, лежавшей скорченно на правом боку, головой на северо-запад (скелет

№1). Бедренные кости располагались под прямым углом к линии позвоночника. Ее правая рука была вытянута к коленям, левая согнута в локтевом суставе. За спиной женщины, в северном углу могилы находился баночный сосуд (рис. 8.-8). На нем лежал каменный скребок, сколотый с речной гальки (рис. 8.-11), а рядом располагались 14 астрагалов. Восемь из них имели подрезку (рис. 8.-13–20), еще на шести астрагалах следов подработки не обнаружено. На тазовых костях женщины лежало массивное бронзовое шило с утолщенной головкой (рис. 8.-10). У юго-западной стенки могилы располагался скелет юноши 12–14 лет, лежавшего на спине, головой на северо-запад (скелет №2). Его ноги были согнуты и обращены коленями вверх, а затем завалились влево, на женский костяк. Руки также были согнуты в локтевых суставах. Часть костей этого скелета оказались смещены грызунами. У правого крыла таза юноши был найден белый каменный шар с отверстием (рис. 8.-12), а у его ног стоял баночный сосуд (рис. 8.-9).

Могила 12. У южной стенки ограды расчищена подпрямоугольная грунтовая яма размерами 1,5×1 м, глубиной 0,9 м, ориентированная осью по линии запад–северо-запад – восток–юго-восток (рис. 1; 5.-8–9). Захоронение полностью разграблено. В заполнении могилы обнаружены отдельные кости мужчины 30–40 лет. Вещей нет.

Могила 13. У южной стенки ограды расчищена грунтовая яма размерами по дну 1,5×0,7 м, глубиной 0,8 м, ориентированная осью по линии запад–северо-запад – восток–юго-восток (рис. 1; 3.-5, 6). В восточной части могилы сохранились кости голеней и стоп женщины 30–40 лет, лежавшей головой в западном направлении. На дне ямы местами прослеживались остатки берестяной подстилки. Погребение разграблено. В заполнении могилы обнаружена костяная головка, вырезанная из трубчатой кости (рис. 7.-9).

Могила 14. Каменный ящик размерами 0,7×0,25 м и высотой 0,3 м был встроен в пространство между могилами 11, 12, 13 (рис. 1). Он ориентирован осью по линии север–юг (рис. 4.-8, 9). Костей ребенка не сохранилось. Вещей нет.

Могила 15. Между центральной могилой и северо-восточным углом ограды располагалась грунтовая яма размерами 2×1 м, глубиной 0,4 м (рис. 1; 4.-10, 12). Она была ориентирована осью по линии запад–восток и частично перерубила борт могилы №2. Погребение полностью разграблено. Вещей нет.

Могила 16. Между центральной могилой и западной стенкой ограды располагалась грунтовая яма размерами 1×0,75 м, глубиной 0,8 м (рис. 1; 3.-7, 8). Она была ориентирована осью по линии запад–юго-запад – восток–северо-восток. Захоронение разграблено. В заполнении могилы найдены отдельные кости ребенка 4–6 лет и пять зубов оленя с отверстиями для подвешивания (рис. 7.-3–7).

Могила 17. В северо-восточном углу ограды под камнями заклада был обнаружен крупный баночный сосуд, установленный в овальной грунтовой яме размерами 0,6×0,45 м и глубиной 0,35 м (рис. 1; 4.-13, 14). В сосуде найдены фрагменты черепа, ребра и ключица новорожденного ребенка. По форме и орнаментации сосуд и данное погребение могут быть датированы таштыкской культурой.

Библиографический список

Александров С.В., Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники долины Черно-го Ююса на севере Хакасии. СПб. : ООО «ЭлекСис», 2014. 154 с.

Вадецкая Э.Б. Предметы вооружения из могил окуневской культуры // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 13–21.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. 380 с.

Громов А.В. Антропологические особенности населения окуневской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб. : Музей антропологии и этнографии РАН, 1995. С. 70–74.

Громов А.В. Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 301–345.

Казарницкий А.А. Палеоантропология эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.

Киргинеков Э.Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 128–133.

Киргинеков Э.Н. Итоги исследования кургана Большое Кольцо в долине реки Камышта // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 79–91.

- Кириллова Д.А., Подольский М.Л. Све Кызыл хая на севере Хакасии // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 130–145.
- Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 76–90.
- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов И.П. Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Т. 2. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. С. 59–64.
- Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск : Наука, 1978. С. 88–118.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2006. 236 с.
- Леонтьев С.Н. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 260–272.
- Липский А.Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 25. С. 89–98.
- Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 9–52.
- Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1980. С. 3–26.
- Максименков Г.А. Могильник окуневской культуры у села Лебяжье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 91–110.
- Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 192 с.
- Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в Центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 104–119.
- Подольский М.Л. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 113–122.
- Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. СПб. : Инфо-ол, 2010. С. 75–80.
- Поляков А.В. К вопросу о необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб. : ИИМК РАН; Арт-Экспресс, 2014. С. 332–355 (Труды ИИМК РАН. Т. XLII).
- Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. СПб., 2017а. №16. С. 52–74.
- Поляков А.В. Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017б. Т. I. С. 337–339.
- Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, №2. С. 43–57.
- Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 20–56.
- Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 157–190.
- Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста : КНИИИФЭ, 1981. С. 29–66.

Хаврин С.В. Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 65–79.

Хаврин С.В. Металлические изделия окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 242–244.

Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. 2009. Vol. 51, №1. P. 243–273.

Svyatko S.V., Schulting R., Poliakov A.V., Ogle N., Reimer P.J. A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // Archaeological and Anthropological Sciences. 2017. V. 9. P. 1379–1388. DOI: 10.1007/s12520-016-0383-3.

References

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Smirnov YU.A. Arheologicheskie pamyatniki doliny Chrnogo Iyusa na severe Hakasii [Archaeological Sites of the Black Iyus Valley in the North of Khakassia]. SPb., 2014. 154 p.

Vadeckaya E.B. Predmety vooruzheniya iz mogil okunevskoj kul'tury [Objects of Armament from the Graves of the Okunevskaya Culture]. Voennoe delo drevnih plemen Sibiri i Central'noj Azii [Military Science of Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 13–21.

Vadeckaya E.B. Arheologicheskie pamyatniki v stepyah Srednego Eniseya [Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei]. L. : Nauka, 1986. 180 p.

Vadeckaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. Svod pamyatnikov afanas'evskoj kul'tury [Collection of Afanasievskaya Culture Sites]. Barnaul : Azbuka, 2014. 380 p.

Gromov A.V. Antropologicheskie osobennosti naseleniya okunevskoj kul'tury [Anthropological Features of the Okunevskaya Culture Population]. Problemy izucheniya okunevskoj kul'tury [Problems of the Okunevskaya Culture Study]. SPb. : Muzej antropologii i ehtnografii RAN, 1995. Pp. 70–74.

Gromov A.V. Proiskhozhdenie i svyazi okunevskogo naseleniya Minusinskoj kotloviny [The Origin and Connections of the Okunevo Population of the Minusinsk Hollow]. Okunevskij sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya [Okunevskii Sbornik. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 301–345.

Kazarnickij A.A. Paleoantropologiya ehpoi bronzy stepnoj polosy yuga Vostochnoj Evropy : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Paleoanthropology of the Bronze Age of the Steppe Zone in the South of Eastern Europe: Synopsis of the Dissertation ... Cand. Hist. Sciences]. M., 2011. 26 p.

Kirginekov E.N. Okunevskij kurgan okolo u. Mohov [Okunevsky Mound of the Mokhov]. Okunevskij sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya [Okunevsky Collection. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 128–133.

Kirginekov E.N. Itogi issledovaniya kurgana Bol'shoe Kol'co v doline reki Kamysheta [Results of the Study of the Big Ring in the Kamysheta River Valley]. Afanas'evskij sbornik [Afanasievsky Collection]. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 79–91.

Kirillova D.A., Podol'skij M.L. Sve Kyzyl haya na severe Hakasii [Sve Kyzyl Khaya in the North of Khakassia]. Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 130–145.

Komarova M.N. Svoeobraznaya gruppa ehneoliticheskikh pamyatnikov na Enisee [A Peculiar Group of Eneolithic Site on the Yenisei]. Problemy zapadnosibirskoj arheologii. EHpochnaya kamnyia i bronzy [Problems of West Siberian Archaeology. Age of Stone and Bronze]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 76–90.

Lazaretov I.P. Okunevskie mogil'niki v doline reki Ujbat [Okunev Burial Grounds in the Uybat River Valley]. Okunevskij sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya [Okunevsky Collection. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 19–64.

Lazaretov I.P. Okunevskie lichiny dzhojskogo tipa – markery drevnih putej [Okunevo Joy Type Faces are the Markers of Ancient Ways]. Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoj pisanicy. T. 2 [Rock Art in Modern Society. To the 290th Anniversary of the Scientific Discovery of the Tomsk Pisanitsa. Vol. 2]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2011. Pp. 59–64.

Leont'ev N.V. Antropomorfnye izobrazheniya okunevskoj kul'tury (problemy hronologii i semantiki) [Anthropomorphic Images of the Okunevskaya Culture (problems of chronology and semantics)]. Sibir',

Central'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti: Neolit i ehpocha metalla [Siberia, Central and Eastern Asia in Antiquity: Neolithic and the Era of Metal]. Novosibirsk : Nauka, 1978. Pp. 88–118.

Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F., Esin Yu.N. Izvayaniya i stely okunevskoj kul'tury [The Statues and Steles of the Okunevskaya Culture]. Abakan : Hakasskoe kn. izd-vo, 2006. 236 p.

Leont'ev S.N. K voprosu o keramicheskoy tradicii okunevskoj kul'tury Srednego Eniseya [On the Question of the Ceramic Tradition of the Okunevskaya Culture of the Middle Yenisei]. Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 260–272.

Lipskij A.N. Afanas'evskie pogrebeniya v nizov'yah rek Esi i Tei [Afanasyevo Burials in the Lower Reaches of the Yoshi and Tei Rivers]. KSIIMK. 1954. Issue 25. Pp. 89–98.

Lipskij A.N., Vadeckaya E.B. Mogil'nik Tas Hazaa [The Tas Hazaa Burial Ground]. Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 9–52.

Maksimenkov G.A. Mogil'nik Chernovaya VIII – ehthalonnyj pamyatnik okunevskoj kul'tury [The Chernovaya VIII Burial Ground – the Model Site of the Okunevskaya Culture]. E.B. Vadeckaya, N.V. Leont'ev, G.A. Maksimenkov. Pamyatniki okunevskoj kul'tury [The Sites of the Okunevskaya Culture]. L., 1980. Pp. 3–26.

Maksimenkov G.A. Mogil'nik okunevskoj kul'tury u sela Lebyazh'e [The Burial Ground of the Okunevskaya Culture near the Village of Lebyazhye]. Problemy zapadnosibirskoj arheologii. Epoha kamnya i bronzy [Problems of West Siberian Archaeology. The Age of Stone and Bronze]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 91–110.

Maksimenkov G.A. Materialy po rannej istorii tagarskoj kul'tury [Materials on the Early History of the Tagarskaya Culture]. SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 192 p.

Nagler A., Parcinger G. Novye pamyatniki okunevskoj kul'tury v Central'noj chasti Minusinskoj kotloviny [New Sites of the Okunevskaya Culture in the Central Part of the Minusinsk Hollow]. Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 104–119.

Podol'skij M.L. Dva okunevskih pamyatnika na ruch'e Uzunchul [Two Okunevo Sites on the Uzunkul Stream]. Okunevskij sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya [Okunevsky Collection. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 113–122.

Polyakov A.V. Pominal'noe sooruzhenie okunevskoj kul'tury na ozere Itkol' [Memorial Construction of the Okunevskaya Culture on Lake Itkol]. Drevnie kul'tury Evrazii [Ancient Cultures of Eurasia]. SPb. : Info-ol, 2010. Pp. 75–80.

Polyakov A.V. K voprosu o neobходимosti raskopok kurganov okunevskoj kul'tury shirokimi ploschad'yami (na primere kurgana 13 mogil'nika Itkol' II) [On the Question of the Need to Excavate the Mounds of Okunevskaya Culture with Wide Areas (on the example of burial mound 13 of the Itkol II burial ground)]. Arheologiya drevnih obshchestv Evrazii: hronologiya, kul'turogenез, religioznye vozzreniya [Archaeology of the Ancient Societies of Eurasia: Chronology, Culturogenesis, Religious Views]. SPb. : IIMK RAN; Art-EHkspress, 2014. Pp. 332–355.

Polyakov A.V. Radiouglerodnye daty okunevskoj kul'tury [Radiocarbon Dates of the Okunevskaya Culture]. Zapiski IEMK RAN [Notes of the IIMK RAN]. SPb, 2017a. №16. Pp. 52–74.

Polyakov A.V. Osobennosti organizacii pogrebal'nogo prostranstva kurganov okunevskoj kul'tury [Features of the Organization of the Burial Space of the Burial Mounds of the Okunevskaya Culture]. Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017b. Vol. I. Pp. 337–339.

Polyakov A.V., Esin YU.N. Miniaturnye izobrazheniya iz pogrebeniya okunevskoj kul'tury na ozere Itkul' v Hakasii [Miniature Images from the Burial of the Okunevskaya Culture on Lake Itkul in Khakassia]. Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2015. Vol. 43, №2. Pp. 43–57.

Polyakov A.V., Svyatko S.V. Radiouglerodnoe datirovanie arheologicheskikh pamyatnikov neolita – nachala zhelezного века Srednego Eniseya: obzor rezul'tatov i novye dannye [Radiocarbon Dating of Ar-

archaeological Sites of the Neolithic – the Beginning of the Iron Age of the Middle Yenisei: a Review of the Results and New Data]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. Issue 5. Pp. 20–56.

Savinov D.G. O vydelenii stilej i ikonograficheskikh grupp izobrazhenij okunevskogo iskusstva [On the Distinguishing of Styles and Iconographic Groups of Images of Okunevo Art]. *Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie* [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 157–190.

Sinicyan I.V., EHrdniev U.EH. Drevnosti Vostochnogo Manycha [Antiquities of the Eastern Manych]. *Arheologicheskie pamyatniki Kalmykii ehpoi bronzy i srednevekov'ya* [Archaeological Sites of Kalmykia of the Bronze Age and the Middle Ages]. EHlista : KNIIFEH, 1981. Pp. 29–66.

Havrin S.V. Mogil'nik Verhnij Askiz I, kurgan 1 [Upper Askiz-I Burial Ground, Barrow 1]. *Okunevskij sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunevsky Collection. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 65–79.

Havrin S.V. Metallicheskie izdeliya okunevskoj kul'tury [Metal Products of the Okunevskaya Culture]. *Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie* [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 242–244.

Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New Radiocarbon Dates and a Review of the Chronology of Prehistoric Populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51, №1. P. 243–273.

Svyatko S.V., Schulting R., Poliakov A.V., Ogle N., Reimer P.J. A Lack of Freshwater Reservoir Effects in Human Radiocarbon Dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2017. V. 9. P. 1379–1388. DOI: 10.1007/s12520-016-0383-3

I.P. Lazaretov, A.V. Polyakov

Institute of the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

INVESTIGATIONS OF THE UIBAT CHARKOV BURIAL GROUND AND NEW DATA ON THE EARLY STAGE OF THE OKUNEVSKAYA CULTURE DEVELOPMENT

The article presents the results of archaeological excavations of burial mound no. 1 of the Uibat-Charkov burial ground (Ust-Abakan district of the Republic of Khakassia) and their scientific interpretation. This mound dates from the early Uibat stage of the Okunevskaya culture and can be regarded as a reference site of that period (the Early Bronze Age). In the course of its research, various 17 graves were found including unique structures. The central burial was made in a pit about 4.5 meters in depth. Of great scientific importance is the discovery in this mound of three burials in the catacombs. This is confirmed by the observations of specialists on the links between the Okunevskaya culture and the catacomb cultural-historical community. During the research, the discovery was made of a series of fragments of plates with traditional images of the Okunevskaya culture. Of particular importance is the face of the “Joy” type, found on one of the catacomb’s plates. Earlier it was assumed that these images are dated by the finale of the Okunevskaya culture. A new find allows us to relate this type of images to the early Uibat stage and to revise the ideas about the development of Okunev art in many respects. Based on a series of five radiocarbon dates of the undisturbed grave-11, the approximate age of the mound was determined by 25th–28th centuries BC. In connection with the research of this site, one can again return to the problem of the origin of the Okunevskaya culture. There is a large number of analogies with the sites of the Late-Pit Grave and the Pit Grave -Catacomb time of the North-Western Caspian.

Key words: Khakassko-Minusinsk hollow, Uibat-Charkov, barrow, Okunevskaya culture, Uibat stage, early Bronze period.